

РОТШИЛЬД, ИЛИ ИСТОРИЯ ДИНАСТИИ ФИНАНСОВЫХ МАГНАТОВ

Генрих ШНЕЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

Это было в 1764 году, когда двадцатилетний Майер Амшель Ротшильд из еврейской улочки во Франкфурте поступил на службу в княжеский дом Гессена. Но уже в 1769 году он был назначен придворным фактором (комиссионером). Почти до самой своей смерти в 1812 году он почти полвека верой и правдой служил князю Гессена, императору и другим князьям. Будучи простым торговцем и менялой, он положил начало династии с мировым именем. Если в Германии семья Ротшильдов уже вымерла, то ее отдельные ветви продолжают процветать в Лондоне и Париже, владея огромными состояниями. В ближайшие годы эта династия финансовых магнатов отметит двухсотлетие своей истории. Но ее взлет можно понять, только изучив историю всей деятельности факторов при дворах немецких князей. Ротшильды - самая преуспевающая, могущественная и богатая династия, которая почти в течение века служила немецким князьям. Детальное изучение деятельности придворных факторов дало возможность автору привлечь для сравнения и других придворных финансистов, чтобы убедительней показать Ротшильдов в их полном значении. Некоторые понятия представлены более правильно, многие события и лица описаны с новых позиций.

Генрих Шнее

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФАКТОРОВ ПРИ ДВОРАХ НЕМЕЦКИХ КНЯЗЕЙ

Берлинскому экономисту Вернеру Зомбарту принадлежит большая заслуга в том, что в своем произведении “Евреи и экономическая жизнь”, появившемся в 1911 году, он сумел показать всему научному миру значение деятельности придворных факторов как государственного института абсолютистского княжества.

В своих работах, и особенно в своем главном произведении “Современный капитализм”, Зомбарт попытался обозначить взаимосвязи между капитализмом, деятельностью евреев и современным государством. Придворным факторам, как тогда называли этих поставщиков и финансистов в научном мире и документах, он приписывал решающую роль в основании и развитии современного государства, которое покоится на их успехах.

Хотя в то время не было специальных исследований, Зомбарт решился на довольно смелые утверждения:

“Евреи XVI, XVII и XVIII веков были самыми влиятельными поставщиками войск и способными кредиторами князей, и считаю необходимым придавать этому обстоятельству первостепенное значение для всего процесса развития современного государства”. И далее: “Достоверно известно, что в XVII и XVIII веках не было ни одного немецкого государства, которое не имело бы при себе одного или нескольких придворных евреев. От их поддержки существенным образом зависели финансовые возможности страны”.

Подобные утверждения Зомбарта наталкивались на резкие возражения историков, упрекавших его по праву в том, что он не мог назвать ни одного оригинального источника, подтверждавшего эти тезисы. Феликс Рахфаль и Герман Ветъен называли и свои области исследования - Нидерланды и колонии, чтобы показать, насколько односторонними и неудачными были доказательства Зомбарта. Разногласия между ними имеют место и сегодня, о чем свидетельствует дискуссия о значении трудов Зомбарта в США. Несмотря на вышесказанное, наука все же не занималась изучением деятельности придворных евреев. Это не относилось к общим высказываниям придворных еврейских писателей об истории израильтян. Они не основывались на архивных источниках. Это были в основном переводы мемуаров и некрологов из еврейских общин. Лишь после первой мировой войны ученики Якоба Стридера, Сельма Штерн и автор этих строк приступили к изучению деятельности придворных факторов на основе архивных документов.

Современное абсолютистское княжеское государство, образовавшееся на исходе средневековья и пережившее свой полный расцвет в XVI, XVII и XVIII столетиях, совпадает с эпохой раннего капитализма. Одновременно с государством развивается и экономика. Абсолютистское княжеское государство создает для себя удивительно рационально продуманную систему средств господства, к которым относится и институт придворных факторов, оказывающих своему господину помощь в создании, развитии и сохранении всех средств власти. Если в XVI веке на должности придворного фактора были христианские кредиторы, то в XVII и XVIII веках, от Тридцатилетней войны до эмансипации, придворными факторами стали еврей-финансисты, которые относились к штабу придворных. Их и называли “придворными факторами”, или просто евреями. В XVII и XVIII веках “придворный фактор” и “придворный еврей”, обозначало одно и то же. Следует заметить, что в обиходе слово “придворный еврей” не считалось унижительным. Известные еврей-финансисты, как, например, Оппенгеймер и Вертгеймер из Вены, даже с гордостью называли себя “евреями императорского двора”.

Эти придворные факторы из евреев в эпоху княжеского абсолютизма были представителями финансовых магнатов. А сама эпоха была классическим периодом придворных факторов, тогда как Германия с большим количеством княжеских дворов была классической страной в Европе, где придворными кредиторами были евреи. Ни в каком другом государстве не было такой многообразной сети института придворных факторов, как в Германии. Деятельность этих придворных финансистов всегда была направлена на процветание княжеского двора, придворной знати, государства и влиятельных государственных чиновников. Взаимосвязь между двором, государством и факторами покоилась на разветвленной сети личных отношений, но не представляет собой ни государственную, ни экономическую систему. Это были личные отношения к резиденции, которые выделили придворного финансиста из общей массы еврейских мелких торговцев и придали ему тем самым особое место не только при дворе, но и среди еврейской общины.

В средневековье евреи были придворными слугами. Это означало полную зависимость от своего господина. В архивных документах Швабии за 1275 год придворная служба считалась признанным правовым учреждением. С возникновением отдельных государств евреи постепенно из императорских слуг превращались в слуг князей, а в начале XIX века стали представителями иудейской веры. В периоды всех трех ступеней развития всегда были придворные финансисты. Но массовым явлением, институтом финансовое дело стало тогда, когда евреи были полностью подчинены власти князя. Они стали источником финансов, которыми князь пользовался по своему усмотрению. Из всей массы этих слуг выделялись придворные финансовые магнаты. Во все века князья, знать, духовенство и даже целые города были должниками у евреев. Но эти представители иудейской веры еще не были придворными факторами. Ими они стали лишь после того, как благодаря своим особым поручениям и привилегиям смогли выделиться из единоверцев.

Князья по различным мотивам относились к этим финансистам довольно благосклонно, особенно после Тридцатилетней войны. В то время как капитал, находящийся в руках христиан, быстро таял, многие евреи, как поставщики войск и монетчики, разбогатели. Прежде всего они завладели торговлей драгоценным металлом, приобретали ювелирные изделия, украшения, которые закладывали им солдаты. Эти же солдаты отважно защищали гетто от грабежей во время Тридцатилетней войны, так что евреи в своем большинстве не очень сильно пострадали от войны. Евреи, как общность, представляли собой после войны значительный экономический корпус, который князья использовали в своей новой политике, надеясь получить от богатых евреев свою экономическую независимость. И если даже евреи в своей основной массе и страдали от бесправия и влачили жалкое существование, то у князя и придворных всегда была возможность привлечь состоятельных евреев в резиденцию. Они получали ответственные должности с соответствующими званиями, рангами и содержанием и зачастую решительно влияли на политику князей. Новые резиденции времен барокко во многом обзаны прежде всего придворным финансистам.

Придворным финансистам вначале давали привилегии из политических соображений. Гогешоллерны от Великого курфюрста до Фридриха Великого, Габсбурги и Виттельбахеры XVIII и XIX веков особенно поддерживали промышленное предпринимательство своих придворных факторов, предоставляя им личные и деловые преимущества. Меркантильная экономическая и налоговая политика постоянно поддерживала придворных финансистов. В Пруссии это в равной степени было присуще всем - от Великого курфюрста до Фридриха Великого, а в Австрии - от Фердинанда I до императора Франца.

Многие придворные факторы, будучи основными поставщиками армии, составили себе значительное состояние. В XVII и XVIII веках, от Тридцатилетней войны вплоть до освободительных войн, без евреев-поставщиков не обходилась ни одна война. Валленштейн был бы немислим как организатор без постоянных поставок своего фактора, императорского придворного еврея Якоба Бассеви фон Тройенберга. Вся военная история Австрии времен абсолютизма стала возможной благодаря организаторским способностям представителей семей Оппенгеймеров, Вертгеймеров, Вецларов фон Планкенштерн, Арнштайнеров и Экселесов. В таких государствах, как Пруссия и Австрия, число подобных предпринимателей было достаточно велико, в то время как в одном из главных южных государств Германии, в Баварии, вначале их сознательно отстраняли и стали привлекать лишь во время войны с Испанией.

Все вопросы снабжения Баварии продовольствием в 1799 году находились в руках единственного поставщика, придворного фактора и банкира Арона Элиаса Зелигмана из Лаймена в Пфальце. Факторы в первую очередь заботились о поставках продуктов питания, так как они обеспечивали торговлю товарами за пределами государства; к поставкам оружия и обмундирования их почти не привлекали, за исключением Австрии.

Известным явлением абсолютистского княжеского государства стала привилегия придворного монетчика. Евреи пользовались исключительным правом на продажу серебра, поэтому монетными дворами владели евреи - поставщики серебра. Предприниматели-монетчики обещали высокие прибыли, которых они добивались за счет населения. Едва ли кто-нибудь из немецких князей мог устоять перед заманчивыми предложениями придворных монетчиков, чтобы лично не обогатиться или не погасить долги подобными приобретениями. Лишь в исключительных случаях, как это было при Фридрихе Великом, государство могло извлечь для себя какую-либо пользу.

Княжеские дворы периода барокко были центром представления роскоши. Примером служил Версаль, немецкие дворы стремились во всем подражать ему. Придворные ювелиры и банкиры должны были удовлетворять потребности князей в деньгах и роскоши. Поэтому не было ни одной резиденции без банкира и ювелира. Образцами того времени были Пруссия при первом короле, Австрия при Леопольде I, Саксония при Августе Сильном, Ганновер и Кельн, Вюртемберг при Эберхарде Людвиге и Карле Александре и Бавария. При Максе Эмануэле Мюнхен считался одним из самых блистательных княжеских дворов Европы. Когда в 1722 году должно было состояться бракосочетание курпринца Карла Альбрехта с дочерью императора Марией Амалией, из престижа нужно было блеснуть особой роскошью. Но государственная казна была пуста - на стране уже бременем лежал долг в 20 миллионов гульденов - нужно было делать новые долги. Всего, что могли предоставить христианские банкиры, Руффин из Мюнхена, Раунер из Аугсбурга, было слишком мало. Курфюрст, хотя он сам лично был против евреев, должен был прибегнуть к помощи придворных факторов. Главный придворный фактор из Зульцбахера Ной Самуэл Исаак при поддержке придворного фактора из Вены дал займы необходимые миллионы. Общая сумма составляла 3 млн. 313 тыс. 228 флоринов 35 крейцеров. Дорогостоящую свадьбу могли финансировать только придворные факторы.

И внешняя политика поддерживала придворных факторов. Вестфальский мир предоставил князьям право самим проводить свою внешнюю политику. Каждое государство стремилось приобрести новые земли, чтобы расширить свою страну, повысить ее ранг, добываясь при этом прежде всего определенных субсидий от крупных держав, за деньги нанимали войска. Но суровые, холодные интересы политики и государства постоянно требовали денег, и придворные финансисты должны были доставать их.

Таким образом, во всех важных внешнеполитических событиях придворные финансисты принимали участие, прямо или косвенно: в дипломатических миссиях, при повышении в должности, при приобретении корон для королей и головных уборов князей, в финансировании войн, продавая и покупая земли, передавая субсидии.

По вопросам процентов, комиссионных, пени за просрочку платежей, долговых обязательств, векселей, залогов и

закладов придворные банкиры всегда были кредиторами князей, их родственников, знати и придворных, важных чиновников. 25 августа 1722 года, когда Макс Эмануэль Баварский заключил со своим придворным банкиром Исааком первый крупный договор на заем 950 тыс. флоринов, он заложил ему все доходы и прибыли. Вольф Вертгеймер, сын крупного финансиста Габсбургов, 25 августа 1722 года дал курфюрсту займы 1 млн. 200 тыс. флоринов, и ему были заложены все внутренние и внешние ренты и доходы. Самому крупному придворному финансисту Баварии Арону Элиасу Зелигману были заложены доходы от налогов, когда в 1802 году он предоставил стране 3 млн. флоринов, а в 1808 году еще доходы от таможенной пошлины по новому займу на 4 млн. Самому крупному придворному финансисту Вены Самуэлю Оппенгейму были заложены все доходы Австрии. Между придворной знатью и придворными факторами в XIX и XX веках существовали тесные финансовые взаимоотношения. Вплоть до свержения монархии в 1918 году придворные финансисты оставались доверенными лицами и советниками по финансовым делам. Ротшильды являются представителями именно такого типа финансистов. Герсон Блайхредер в Берлине был не только государственным банкиром, придворным банкиром Гогенцоллернов, но и собственным банкиром дома ведущего министра. Нет сомнения в том, что эти придворные факторы приумножали состояние своих клиентов, получая за это приличное вознаграждение. Племянник Блайхредера, Пауль фон Швабах, оставался финансистом придворной знати Берлина до 1918 года, как и Ротшильды в Вене при последнем из Габсбургов на императорском троне.

Такой же плодотворной была и деятельность придворных факторов как поставщиков, особенно в период барокко. Придворный фактор обязан был снабжать ведомство гофмаршала, конюшни, кухню и подвалы. Он поставлял все, что необходимо от колыбели до могилы, от крещения до погребения. При дворе архиепископа в Бонне даже принадлежности для религиозных торжеств и церемоний должен был доставать придворный еврей.

Поставляя ювелирные изделия, многие придворные ювелиры стали миллионерами. Больше всего ювелирных изделий приобретали в свое время первый король Пруссии, Август Сильный из Саксонии, Макс Эмануэль Баварский, Эбергард Людвиг и Карл Александр из Вюртемберга, Клеменс Август из Кельна.

Монетчики вместе со своими единоверцами торговали драгоценным металлом и чеканили разменную монету. Неразбериха с деньгами, царившая в начале Тридцатилетней войны и позже, в XVII и XVIII веках, создавала условия для деятельности фальшивомонетчиков и предоставляла частным предпринимателям широкое и доходное поле деятельности. Богатство многих придворных финансистов было нажито именно благодаря участию в прибылях от такого рода деятельности. В Пруссии главными поставщиками Фридриха Великого были семья Эфраима, Итцига и Исаака. Все они стали миллионерами, и еще в XX веке остались потомки этих придворных монетчиков, состояние которых ведет свое начало с XVIII века. Княжеская политика “перезакладывания” денег в общем и целом такая же безрадостная глава нашей истории, как и торговля солдатами.

Будучи монетчиками, придворные финансисты могли проникать в государственный аппарат и выполнять определенные служебные обязанности. В качестве интендантов и тайных военных советников поставщики войск в мирное и военное время держали в своих руках аппарат снабжения, особенно во время наполеоновских походов и освободительных войн. Большинство из них начинали свою деятельность, имея лишь небольшой капитал, и за несколько лет им удавалось приобрести солидное состояние. На поставках для армии Оппенгейм из Вены сделал блестящую карьеру. У него на службе находились почти все придворные евреи Германии. Нет ни одной семьи придворных факторов, которая не была бы упомянута в его актах как семья сопоставщиков или помощников. Организаторские способности Оппенгейма достойны удивления. К подобному утверждению может прийти любой непредубежденный историк.

Вецлар фон Планкенштерн, будучи на императорской службе поставщиком армии, стал мультимиллионером. Самыми крупными военными поставщиками Баварии были Байт Каулла из Гехингена, Давид Ильман из Пферзе под Аугсбургом, Абрахам Мендле из Кригсгабера и члены семьи Зелигмана из Пфальца. Следует подчеркнуть, что все поставщики армии вышли из придворных факторов.

После освободительных войн военное управление решило взять в свои руки обеспечение продовольствием. Прежние предприниматели перевели свое состояние в банки или вложили его в земельные участки. Финансисты семьи Зелигмана в 1835 году стали совладельцами Баварского ипотечного банка. У некоего барона Симона фон Айхтала, младшего сына Арона Элиаса Зелигмана, в 1814 году возведенного в дворянство, капитал акций составлял 3 млн. 347 тыс. флоринов, Майер Амшель Ротшильд и сыновья имели 1,5 миллиона, третий придворный финансист - Якоб фон Гирш - 1 миллион. Из всего капитала акций в 10 миллионов гульденов больше половины сосредоточились в руках этих трех придворных финансистов.

В XIX веке придворные финансисты принимали активное участие в основании крупных банков в резиденциях и больших городах Германии. Мадам Каулла, одна из известных немецких факторов (1739 - 1809), стала совладелицей Вюртембергского придворного банка в Штутгарте с капиталом в 150 тыс. гульденов.

Но в мануфактурном и ремесленном производстве придворные финансисты не смогли добиться особых успехов. Здесь у них дела не шли. Все снова и снова они возвращались к торговле. Лишь в XIX веке, когда были созданы благоприятные условия, они стали преуспевать и в этой области.

Придворные евреи часто состояли и на дипломатической службе как политические агенты, резиденты, консулы, советники посольств. Так, например, Беренд Леман, крупный финансист, помог Августу Сильному получить корону короля Польши; Лефман Беренс финансировал продвижение своего герцога при избрании его курфюрстом Ганновера, Йост Лимбан финансировал в Берлине коронацию первого короля Пруссии. Одна из важнейших задач княжеских придворных факторов состояла еще и в том, чтобы, используя свои связи в Вене, подготовить почву для желанного сословного повышения своих господ. Это стоило денег, и придворные факторы давали займы. Подарками (Douceurs) можно было даже заполучить голоса каноников на выборах епископа. Сотни тысяч талеров могли достать только княжеские придворные евреи. Епископы Мюнстер, Падерборн, Гильдесгейм из Кельна служат тому убедительным примером.

Субсидии, получаемые князьями в XVII, XVIII и в начале XIX веков, поступали исключительно от придворных финансистов. Несметное число миллионов талеров стекалось в казну немецких князей, а крупные суммы - просто в карманы правящих министров. И вряд ли какое-либо имя осталось незапятнанным. В министерстве иностранных дел в Париже можно

было бы проверить все суммы и установить те лица, которые их получали. За подобные трансферты придворные финансисты получали не только соответствующие комиссионные, но и могли осуществлять все банковские операции от момента получения денег до их выплаты.

В 1703 году придворный фактор Пфальца Лемле Мозес получил в Вене субсидию на сумму 400 тыс. флоринов. Большие прибыли, полученные от трансфертов, во многом способствовали быстрому подъему дома Ротшильдов. Только с 1776 по 1814 год английские субсидии составили в Гессене 19 млн. 56 тыс. 778 талеров, в ходе Семилетней войны было получено 2 млн. 220 тыс. талеров, что составило всего 21 млн. 276 тыс. 778 талеров. В 1815 году Арнольд фон Айхталь вместе с отцом Ароном Элиасом произвел английских субсидий в баварскую государственную казну на сумму 608 тыс. 695 фунтов стерлингов, это были финансовые транзакции высокого класса. С середины XVIII века немецкие князья и государственные мужи получили от Франции субсидиями и подарками 137 млн. 226 тыс. 152 ливра, от Англии субсидий на 46 млн. 696 тыс. 576 фунтов. По расчетам Зомбарта, все суммы составили более миллиарда немецких марок.

Во все времена придворные факторы были лейб-медиками князей. Несмотря на все существующие ограничения, уже в средние века папы имели при себе наемных евреев в качестве лейб-медиков. Такие лейб-медики императора, как Паулус Вайднер из Билербурга и Пауль Рициус, барон из Шпринценштайна, были и первыми придворными факторами, возведенными в дворянство. Евреи были и придворными певцами, придворными художниками, придворными артистами. В “черном кабинете” удостоенный доверия еврей должен был подделывать печати на открытых письмах. Прав писатель Александр Захер-Мазох, сказавший о еврее-факторе:

"Нет никого, кем бы он не мог быть".

Политически самым значимым придворным фактором при дворе герцога Карла Александра Вюртембергского был Йозеф Зюс Оппенгеймер. Его путь от простого торговца и частного банкира до всемогущего тайного советника, директора монетного двора и сборщика налогов, до крупного предпринимателя и некоронованного властителя земли Вюртемберг даже для периода барокко был своеобразным и единственным в своем роде. Этого придворного фактора возвышает над всеми другими придворными финансистами, даже над Ротшильдами, его сознательно проводимая политика, направленная на то, чтобы средневековое сословное родовое государство Вюртемберг превратить в современное абсолютистское государство. Юд Зюс потерпел неудачу и поплатился жизнью, но не только потому, что стиль его жизни даже по тем временам был непостижим. С юридической точки зрения вюртембергские власти были вправе предъявлять определенные требования к деятельности тайного советника. Юд Зюс занимал должность резидента с окладом 300 флоринов, как тайный советник получал 2 тыс. 356 флоринов, значился в списках казначейства, он обладал незаурядными деловыми качествами. Но во всем остальном падение и конец этого придворного фактора едва ли отличается от судьбы, которая настигала любого фаворита князя в борьбе между абсолютизмом и сословиями. Юд Зюс был финансовым гением, удивительно работоспособным, умным, изысканным, но он не был личностью. И для выполнения той политической задачи, которую он поставил перед собой, у него не было достаточно мудрости, отличающей подлинного государственного деятеля. Он недооценил возможных последствий своей политики.

Вся система привилегий, характерная для зарождающейся бюрократии того времени, сплотила придворных факторов в единую касту внутри единоверцев. Придворные евреи стали основой иудаизма и считались аристократами среди израильтян.

Служебное положение евреев при дворе подчеркивалось самим количеством занимаемых должностей: гофмейстер и старший повар, лакей и доверенное лицо, фактор, придворный ювелир, агент, резидент и, наконец, тайный советник. Особенно почетным титулом считался титул старшего придворного агента и казначея. Титул тайного советника имели крупные финансисты Йозеф Зюс Оппенгеймер, Бенъямин Вайтель Эфраим и Крелинггер в Пруссии, Израель Якобсон в Брауншвайге и Касселе.

При большинстве дворов, за исключением Вены, с титулом было связано определенное жалованье. И ставшие миллионерами придворные факторы, Ротшильды в том числе, этому окладу придавали большое значение, потому что именно он подчеркивал их предпочтительное положение. Жалованье, как правило, составляло несколько сотен талеров в год, 300 - 500 талеров или 500 флоринов, помимо этого полагалось еще какое-то количество продуктов. По тем меркам Юд Зюс получал довольно высокое жалованье - 2 тыс. флоринов, а также 356 флоринов на слуг и фураж. В Зульцбахе придворный фактор получал даже больше, чем министр. Обеспечивались и вдовы придворных факторов. Не следует забывать, что придворные факторы занимались еще и предпринимательской деятельностью, поощряемой различными привилегиями князя.

Назначение придворным фактором с соответствующим титулом и жалованьем, как и всех прочих чиновников, скреплялось особым документом, грамотой. Эти грамоты были подлинными произведениями искусства, написанные на пергаменте, отделанные красным бархатом и украшенные желтой лентой. Документ содержал обязательства придворного фактора верно служить интересам князя, приносить ему пользу и ограждать от неприятностей. Все документы (патенты) имели одинаковый текст. Складывалось впечатление, что дворяне, впервые составили такие грамоты, пересылали их в соседние резиденции, а может быть, сами претенденты прикладывали образцы к своим заявлениям.

Но были и некоторые особые привилегии придворных факторов, которые вызвали недовольство единоверцев, такие, например, как освобождение от общих еврейских налогов, освобождение от суда раввина и подчинение княжескому суду наравне с другими чиновниками двора, право содержать собственную синагогу с раввином и школьными учителями, право брать себе в дом единоверцев для ведения хозяйства. Они могли не носить желтую звезду и уже давно получили право жить не в еврейских кварталах, а в пригороде, где могли приобрести для себя дома.

Крупные влиятельные финансисты, такие как семья Гирша из Геройта и Зелигмана-Айхталь в Баварии, Израеля Якобсона на севере Германии, и многие другие придворные факторы Габсбургов издавна стали вкладывать свое состояние в большие земельные участки. В 1818 году Якоб Гирш, например, владел имением общей стоимостью в 580 тыс. флоринов. Стоимость

монастырских и рыцарских земель, приобретенных Якобсоном в Вестфалии и Мекленбурге, превышала многие миллионы. После его смерти не могли точно установить эту стоимость.

Эта искусственно созданная ступенчатая система привилегий, полностью соответствующая духу барокко, привела к тому, что придворные факторы уже ничем не отличались от чиновников. На процессах казначея Вольфа Брайденбаха против княжеского дома Изенбург - Бирштайна Верховный суд Дармштадта признал за придворным фактором все права и присудил Изенбургу уплатить все задержанное жалованье. Но такими правами пользовались только те придворные факторы, которые имели определенные титулы и находились на службе у князя, получая за это положенное жалованье. В Пфальце они зачислялись в штаб главного гофмейстера последней группой, точно в соответствии с их рангом: от главного придворного фактора до гвардии-квартирмейстера.

Крупные придворные финансисты были основными борцами за права евреев. До начала XIX века без придворных евреев не было никакой эмансипации. Отдельные придворные факторы, такие как Даниэль Итциг в Берлине, Израель Якобсон в Брауншвайге и Давид Зелигман в Карлсруэ, еще до официальной эмансипации получили патенты на владение землей для всей семьи. Придворным факторам Давиду Фридлендеру, Самуэлу Рубену Комперцу из Берлина, тайному советнику Израелю Якобсону из Брауншвайга и Касселя, советнику Вольфу Брайденбаху из Изенбурга, семьям Барух и Ротшильд из Франкфурта-на-Майне и Гиршу из Геройта в Баварии, Арнштейнерам и Эскелесам из Вены - всем им в первую очередь должны быть благодарны евреи за предоставление гражданских прав. Активное участие принимали в этом и придворные чиновники.

Архивные документы XVII и XVIII веков свидетельствуют о том, как добросовестно, с какой тщательностью чиновники абсолютистского государства занимались проблемами евреев вообще и придворных факторов в частности. Придворные чиновники никогда не относились к евреям враждебно и всегда старались удовлетворить их законные требования.

Еврейские авторы, описывая историю евреев, не совсем благосклонно отзывались об институте придворных факторов. Это в первую очередь связано с тем, что почти все эти семьи отказывались от иудейской веры и принимали христианства. Подобные переходы начались уже в XVI веке и, как правило, были связаны с получением дворянского титула. Большая часть придворных факторов возвысилась до старой или новой аристократии или приблизилась к тем кругам, которые в XIX и XX веках стали представлять имущие классы и образование. Участие евреев в управлении государством в XIX и XX веках было довольно значительным.

Число семей придворных факторов и их потомков, возведенных в дворянство, составляло уже несколько тысяч. Они полностью ассимилировались. Габсбурги были поистине великодушны, возводя в дворянство своих придворных евреев. Гогенцоллерны, напротив, проявляли определенную сдержанность.

В Австрии возведение в дворянство началось уже в XVI веке, и до эмансипации около 15 семей придворных факторов еврейского происхождения были причислены к дворянскому сословию. В Пруссии лишь в 1810 году придворный финансист Леви стал бароном фон Дельмаром, после того как принял христианство. Большинство потомков тех разбогатевших финансистов отошли от коммерческой деятельности и банковского дела. Их сыновья служили в конной гвардии, приобретали рыцарские земли и основывали майораты. Некоторые дослужились до генералов и вошли в военную историю.

Многие евреи принимали христианство как необходимый социальный фактор и, как правило, выбирая при этом вероисповедание правящей династии. Но было достаточно и других примеров, которые показывают, что такой переход совершался и по внутреннему убеждению, как это произошло с двумя дочерьми придворного еврея Мозеса Мендельсона:

Доротеей Шлегель и Генриеттой. Последняя высказала в своем завещании пожелание, чтобы ее братья и сестры тоже приняли католическую веру. Хотя ее желание и не было исполнено, все же все потомки Мозеса Мендельсона, так пламенно защищавшего евреев, были христианами.

Переход большого числа придворных финансистов и их потомков в христианство явился основной причиной постепенного упразднения института придворных факторов. В период капитализма крупные банки стали решать задачи, выполняемые прежде придворными факторами. В середине XIX века капиталов семей придворных факторов уже было недостаточно, чтобы финансировать крупные промышленные предприятия.

К 1850 году своего наивысшего расцвета достиг дом Ротшильдов. Ротшильды относятся к немногим династиям придворных факторов, сохранивших веру своих отцов. Банк Опенгейм в Кельне является сегодня единственным финансовым учреждением прежних придворных факторов. А банки Мендельсона и Блайхредера в Берлине так и не были открыты после 1945 года.

Оказывают ли эти придворные факторы решающее влияние на становление и развитие современного государства, как утверждает Зомбарт? При этом Зомбарт не рассматривает вопросы непосредственного участия самих людей в истории развития государства. Его больше интересует процесс образования государства последнего столетия. Результаты исследований показали, что в эпоху раннего капитализма придворные факторы не принимали никакого участия в основании современного государства, потому что в то время у них не было необходимых для этого капиталов. Приоритетом в этом процессе обладали христианские кредиторы.

Длинный ряд крупных придворных финансистов открывает дом Фуггера. Его активное участие в большой политике на стороне Габсбургов имело большое историческое значение.

В XVII, XVIII и в начале XIX веков большую роль начинают играть еврей-финансисты. Они появляются почти при всех княжеских дворах, принимая участие во многих исторических событиях. Достаточно вспомнить о финансировании Семилетней войны крупными частными предпринимателями. Это было одним из блестящих финансовых достижений Фридриха Великого. По подсчетам Козерса, частные капиталовложения составили 29 млн. талеров, 20% на военные расходы и 17% на военные сборы.

Значительными были и денежные вклады придворных факторов в архитектуру барокко. Без займов придворных финансистов многие архитектурные замыслы в резиденциях князей так и не были бы осуществлены. Даже такие повелители, как Карл VI и его дочь Мария Терезия, всегда ненавидевшие евреев, не смогли бы закончить строительство церкви Карла и замка Шенбрунн без денег своих придворных евреев. Без денег факторов немислим был бы и аристократический образ

жизни периода барокко с его великолепными праздниками.

У всех магнатов того времени были свои придворные евреи, снабжавшие кладовые и подвалы, наполнявшие пустую казну. У Меттерниха и Бисмарка тоже были свои факторы. В начале своей политической карьеры Бисмарк был ярким противником евреев, но впоследствии не мог нахвалиться своим домашним евреем, ведавшим его поместьями в Померании, и финансистом Герсоном Блайхредером, который был первым некрещеным евреем, получившим дворянский титул в Пруссии.

Иногда капиталовложения крупных финансистов были довольно солидными. Но когда речь шла о государственном развитии, то деньги придворных факторов оказывались лишь временной поддержкой, субсидией. Их было слишком мало для существования государства. Существенными для немецких государств стали возможности отдельных могущественных правителей, их чиновников и постоянные, а главное регулярные поступления от подданных в форме налогов. В первую очередь это относилось к Пруссии, Саксонии, Ганноверу, Баварии, Вюртембергу.

Но были и исключения. Так, семья Зелигман-Айхталь пользовалась в начале XIX века в Баварии большим авторитетом. С 1801 по 1808 год эта семья и несколько других кредиторов-евреев ссудили Баварии 81% необходимых денежных средств. Это было подлинное предоставление кредита, так как облигации остались в собственности семьи без каких-либо посредников. В 1914 году Зелигман стал бароном фон Айхталем, и это полностью соответствовало практике княжеских дворов того времени. В качестве благодарности банк Айхталь должен был в 1815 году перечислить в государственную казну Баварии 70 млн. франков французской контрибуции.

В Австрии “придворным льготником”, как называли финансистов, считая их привилегированной кастой, придавали большое значение. С 1698 по 1739 год от крупных финансистов Оппенгеймера, Вертгеймера и их круга поступило более 78 млн. флоринов, не говоря уже о том, что были еще поставки продовольствия и ссуды в общей сложности на 3 - 4 млн. - в среднем по 2 млн. флоринов в год. Если чистый доход от податей за 1708 - 1727 годы составлял 5 - 7 миллионов в год, то на заем финансистов приходилась 1/3 доходов. И все это во времена образования великой державы Австрии.

При изучении истории придворных факторов в эпоху раннего капитализма можно наметить их определенную линию с такими именами: Фуггер, Оппенгеймер и Вертгеймер в Вене, Либман, Комперц, Эфраим, Итциг, Исаак в Пруссии, Беренс в Ганновере, Леман в Гальберштадте, Барух и Оппенгейм в Бонне, Зелигман в Мюнхене, Каулла в Штутгарте и Ротшильд в Франкфурте и Вене. В самом начале эту линию начинает дом крупнейшего финансиста Фуггера, впоследствии финансовым магнатом становится Ротшильд. Фуггер, как первый придворный финансист, помог Габсбургам войти в историю. Дом Ротшильдов свое финансовое могущество положил на чашу весов союзников в борьбе против Наполеона.

История финансового дела протянулась в Германии от Фуггера к Ротшильду. И эта линия прервалась. Родовой дом во Франкфурте-на-Майне вымер; несколько лет назад в Вене был разрушен дворец Ротшильда, а на его месте соорудили современное административное здание. Последнего венского барона Луиса Ротшильда, который еще служил последнему Габсбургу, императору Карлу, доставили в Вену, к месту погребения. Его привезли с Ямайки, где он доживал в эмиграции.

Падение монархии, которой придворные финансисты были многим обязаны и князьям которой они верно служили, подорвало их общественное положение. Еще совсем недавно они умело сохраняли свое положение, хотя собственную миссию институт придворных факторов выполнил уже к началу XIX века. Как специфическое явление истории Центральной Европы, институт придворных факторов сыграл важную экономическую, общественную и культурную роль в период между Новым временем и временем высокоразвитого капитализма.

МАЙЕР АМШЕЛЬ РОТШИЛЬД - ОСНОВАТЕЛЬ ДИНАСТИИ ФИНАНСОВЫХ МАГНАТОВ

Свободный город Франкфурт-на-Майне с периода раннего средневековья привлекал к себе евреев своим расположением в центре оживленной торговли. В течение последнего тысячелетия здесь успешно велись торговля и финансовые операции. Перед Французской революцией во Франкфурте насчитывалось 35 тыс. жителей, одну десятую из них составляли евреи. С 1462 года им был выделен специальный еврейский квартал.

Много веков назад в одном из таких тесных гетто, всего 12 метров в ширину, между городской стеной и рвом, “зажатые как в клетке”, жили и предки дома Ротшильдов. Это была семья Ханов, образовавших впоследствии одну из ветвей династии. Во Франкфурт они переселились в XVI веке. Их франкфуртское имя происходит от “дома с красной вывеской” <Ротшильд (нем.) - Rotschild: rot красный, das Schild - вывеска>, в котором жила семья. Но следует заметить, что фамилия Ротшильд часто встречается в еврейских общинах. В 1585 году у Исаака Эльханана впервые появилось прозвище “у красной вывески”, в то время как на могиле его отца написано только Эльханан. Спустя почти сто лет семья переселилась в другой дом “Hinterepfann”, но имя Ротшильд осталось. Средства к существованию семье Ротшильдов, как и другим израильтянам, давала торговля, так как до XVIII века еще не было других финансовых банковских операций. Состояние у них было незначительное, образ жизни - скромный. С 1567 по 1580 год Исаак Эльханан уплатил налог с состояния в 2 тыс. 700 гульденов, а его правнук Кальман, скончавшийся в 1707 году, в 1690 году имел состояние уже в 6 тыс. флоринов. Сын Кальмана в 1733 - 1735 годах имел на руках вексель известного вюртембергского придворного фактора на 38 тыс. флоринов, что дает возможность предположить о наличии крупных денежных операций. Но Амшель Мозес, отец нашего Майера Амшеля, имел состояние всего в 1 тыс. 375 флоринов. Все это - очень незначительные суммы, если сравнить их с доходами и состоянием крупных придворных факторов Берлина и Вены, где почти все придворные финансисты были миллионерами.

Майер Амшель Ротшильд, как и большинство придворных факторов, происходил из низших слоев израильтян, и вначале он мало чем выделялся среди своих единоверцев. В постоянном стремлении к заветной цели он сумел заложить основы последующего величия своего дома, хотя его торговая деятельность значительно переоценивается. Отблески славы его сыновей упали и на родоначальника династии. Отец прочил Майера в раввины. Но после нескольких лет учебы в Фюрте молодой Ротшильд быстро осознал, что его интересует совершенно другое дело, его привлекала практическая деятельность торговца и менялы. Он поступил в ганноверский банк Оппенгеймера и учился у той семьи, которая в век абсолютизма привлекла на свою сторону большее число придворных финансистов. Особенно понравилось Ротшильду сама практическая

деятельность придворного фактора. Его карьера началась у князя. Возвышению во многом способствовало то обстоятельство, что дом гессенского курфюрста считался одним из самых богатых в то время.

В 1755 году, когда Майеру Амшелю было всего двадцать лет, он потерял отца и мать и был вынужден самостоятельно становиться на ноги. Вернувшись из Ганновера, он открыл свое дело, связанное с торговлей антиквариатом и медалями, как и его отец. Его быстрое продвижение по пути к известному банкиру основано на трех существенных моментах:

1. Ротшильда связывали тесные и доверительные отношения с наследным принцем Вильгельмом, ставшим Вильгельмом IX ландграфом и гессенским курфюрстом Вильгельмом I. Его состояние оценивалось в 20 - 60 млн. талеров, что равнялось прежним 60 - 180 млн. марок. Это состояние и заложило основу развития дома Ротшильдов.

2. Семья Ротшильдов была связана с министром финансов сувереном Карлом Фридрихом Бударусом. Он родился в 1759 году в семье учителя в Бюдингене, был управляющим имуществом курфюрста, гессенским президентом налоговой палаты в Ганау, тайным советником, возведенным в дворянство под именем Бударуса фон Карлсгаузена. Это был очень способный финансист, он сразу распознал природную одаренность Ротшильда и способствовал его продвижению при дворе. Его не менее влиятельный брат был основателем металлургического завода в Ветцларе.

3. Ротшильд обладал исключительными деловыми качествами. В упорной борьбе он сумел исключить любую конкуренцию и добиться монопольного положения у суверена.

В истории института немецких придворных факторов нет другого такого примера, когда один единственный финансист мог бы иметь такое неограниченное влияние на князя. Для сравнения можно было бы назвать Юда Зюса в Вюртемберге. Но его деятельность продолжалась всего лишь несколько лет, тогда как Ротшильды находились на службе при княжеском дворе более сотни лет.

Свою карьеру Майер Амшель Ротшильд начал поставщиком денег и драгоценных металлов и стал придворным фактором, а затем главным придворным агентом. Его сыновья Амшель Майер и Соломон были назначены военными казначеями. Поставщиком денег и драгоценных металлов Майер Амшель был с 1764 года. 21 сентября 1769 года он стал придворным фактором княжеского дома Гессен-Ганау, 24 сентября 1803 года его назначили главным придворным агентом в Касселе, а в 1802 году его сыновья стали казначеями. Служба Ротшильдов при дворе началась в 1764 году, и таким образом, деятельность финансовой династии перевалила за двухсотлетие.

В 1764 году наследный принц Вильгельм принял самостоятельное правление графством Ганау, предоставленное ему по страховому акту 1754 года дедом Вильгельмом VIII, который хотел отстранить его от католически настроенного отца Фридриха. Наследный принц Вильгельм был большим любителем, коллекционером и знатоком монет и медалей. И именно торговля монетами сблизила тогда двадцатилетнего Ротшильда с его будущим княжеским покровителем. Десятилетия понадобились Ротшильду, пока он добился полного расположения и милости ландграфа, так как он по своей натуре был очень подозрительным человеком, опасаясь какого-либо обмана в финансовых делах.

Ротшильду очень помогло то обстоятельство, что у князя не было никаких предубеждений против евреев. Это видно из того, что при дворе в Касселе было значительное число евреев. К тому же князь был деловым человеком, он и сам мог стать банкиром. Решающее значение для банкирского дома во Франкфурте имело и то, что Ротшильд, наконец, сумел завоевать полное доверие князя, поручившего ему вести все денежные дела. Существование любого банка полностью зависит от того, как ему удастся привлечь к себе солидных клиентов и удержать их. Ротшильд оказывал своему высокопоставленному клиенту различные услуги: ведение всех дел в свободном городе Франкфурте, привлечение надежных и политически нейтральных банковских связей на ведущем финансовом рынке Лондона.

Наследный принц Вильгельм свою коллекцию монет начал собирать в 1763 году, за год до своего торжественного вступления в Ганау. В июне 1765 года Ротшильд доставил ему первые монеты, за что получил вознаграждение в 38 гульденов 80 крейцеров. Таким скромным было начало величайшего придворного банкира всех времен. В одной из торговых книг за 1778 год он упоминается как торговец "антикварными медалями и монетами". Нет никакого сомнения в том, что в молодые годы Ротшильд был искусным, находчивым торговцем монет, он сумел приноровиться к вкусу князя и по-деловому использовать его пристрастия. Уже спустя несколько лет он даже отважился ходатайствовать о получении какого-либо придворного звания, так как любой титул придавал еврею-торговцу уважение в придворном обществе, что возвышало его над его единоверцами.

"Я имел особую милость делать Вашей Княжеской Светлости различные поставки, которые доставляли Вашей Светлости большое удовольствие. Я приложу все свои силы и возможности, чтобы и дальше всегда быть готовым оказывать Вашей Княжеской Светлости различные услуги. Особенно сильным поощрением было бы для меня, если Ваша Княжеская Светлость благоволила бы пожаловать мне чин придворного фактора Вашей Светлости.

Вашу Княжескую Светлость прошу с большей уверенностью еще и потому, что я никоим образом не хочу утруждать Вас. Благодаря чину и имея в виду мое торговое дело, а также и другие обстоятельства, я смог бы составить здесь, в городе Франкфурте, свое счастье".

Чин придворного фактора был наградой за поставки монет и медалей, продолжившиеся до 1806 года. После смерти старшего Майера Амшеля дом Ротшильдов продавал медали курфюрсту еще дважды, в 1813 и 1814 годах.

После назначения придворным фактором Ротшильд еще активнее принялся за финансовые дела. Наряду с этим торговлю товарами продолжали вести пять его сыновей. Как ландграф Фридрих II, отец, так и наследный принц с 1776 года выдавали из Лондона векселя для найма солдат для Англии. При реализации такого векселя Ротшильд еще должен был работать в Ганау. В последующем своем заявлении ландграфу он сообщает о том, что "в Ганау он по английским письмам получил более высокую цену с выгодой для господской казны". С 1798 года Ротшильд был наиболее предпочитаемым поставщиком княжеской казны.

Но решающее значение для его продвижения имело завоевание монопольного положения. В этом ему помог военный советник Бударус, назначенный в 1802 году директором главного военного казначейства. С этого времени дом Ротшильдов стал быстро опережать всех конкурентов при дворе Касселя. Прежде всего были исключены Мозес Йозеф Бюдинг, Михель Симон, Герц Майер, Соломон Абрахам, Зюсман Абрахам.

В 1802 году Ротшильд открыл в Касселе филиал, чтобы постоянно оставаться в тесной связи с двором и дворцовыми чиновниками. По резолюции от 16 сентября 1802 года, т.е. довольно поздно, он был освобожден от уплаты налогов, которыми облагались все еврейские торговцы. Вызывает удивление тот факт, что придворный еврей Ротшильд должен был ждать долгое время, чтобы добиться льгот, обычно тотчас же предоставляемых придворным финансистам.

С 1801 по 1806 год Ротшильд выпустил пять займов на сумму почти 5 млн. гульденов.

Окрепили его близкие отношения со двором Гессена, причем он поистине великодушно пользовался методом, применяемым всеми придворными факторами той эпохи. Чтобы добиться расположения влиятельных придворных и чиновников государственного управления, они часто прибегали к подаркам и взяткам. Ротшильд заинтересовал гессенских чиновников привлечением их к сотрудничеству в финансовых делах. Когда Бударус был главным сборщиком податей при земельной казне Ганау, Ротшильд стал его представителем во Франкфурте. После того как его покровитель стал авторитетным советником ландграфа, Ротшильд постоянно получал выгодные заказы в Касселе.

Добрые отношения со двором в Касселе связывали многих придворных евреев. Это христианские фирмы Рюппеля и Гарнира, братьев Бетманов, Прейе и Йордис, Гебгард и Гаук во Франкфурте. В Касселе была кредитная контора Витгенштейна, в Амстердаме фирма Ван Нотен и Голль и Ко. Но у них не было постоянных связей с Бударусом. Особенно это касалось влиятельного дома Рюппеля и Гарнира, сумевшего сохранить свое господствующее положение при кассельском дворе лишь до 1803 года, именно до того времени, когда Бударус стал директором военного казначейства. Чиновники и без этого зарабатывали при каждой сделке, так как при всех договорах им полагался один процент от выданной суммы в качестве побочного дохода.

В 1805 - 1806 годах Ротшильд уже значительно опередил своих конкурентов. Когда князь, спасаясь от Наполеона, вынужден был бежать и долгие годы жил в эмиграции, главный придворный агент Ротшильд сумел добиться монопольного положения в финансировании ландграфа, конечно, не без поддержки своего покровителя, ставшего к этому времени уже тайным военным советником под именем Бударуса фон Карлсгаузена. Ему удалось превзойти военного советника Лениера, друга Руппеля и Гарнира, и стать единоличным управляющим делами. Поставив Рюппеля и Гарнира в невыгодное положение, он старался повсюду подчеркнуть бескорыстие дома Ротшильдов.

Ротшильд был вместе с Вильгельмом в его эмиграции. В эти годы он верой и правдой служил своему князю и особенно отличился, спасая часть гессенского состояния. Конечно, такие отношения между князем и придворным фактором благотворно влияли и на финансовые дела последнего, так как и в эмиграции Вильгельм IX оставался самым крупным капиталистом среди немецких князей. В 1808 году Ротшильд уже настолько продвинулся, что все излишние и случайные деньги курфюрста регулярно направлялись в банк дома Ротшильда.

Сотрудничество между Ротшильдами и Бударусом вылилось в конце концов в текст документа от 17 февраля 1809 года, который гласил:

"Между тайным военным советником Бударусом фон Карлсгаузен и Торговым домом Майер Амшель Ротшильд во Франкфурте сегодня заключено следующее соглашение.

I. Бударус передал банку Майер Амшель Ротшильд капитал в 20 тыс. гульденов 24 флорина-фута и обещал из самых лучших побуждений содействовать Торговому дому во всех торговых делах и по возможности быть ему полезным.

II. В свою очередь, Торговый дом Майер Амшель Ротшильд обещает добросовестно отчислять Бударусу прибыль от торговых операций, причитающуюся на вложенный капитал в 20 тыс. гульденов, и разрешает ему в любое время проверку всех книг для большей убедительности в правильности расчетов".

Таким образом Бударус стал незримым участником дома Ротшильда, поэтому он был лично заинтересован в том, чтобы Майер Амшель Ротшильд получил монополию на ведение финансовых дел курфюрста.

Этот договор, единственный в своем роде в истории немецкого института придворных факторов, соответствовал интересам всех его участников. Капитал земельного князя продолжал увеличиваться, незаметный придворный служащий стал богатым человеком, а франкфуртский банкир и коммерсант заложил основу процветания своей фирмы. Было бы не правильно оценивать этот договор с точки зрения современной морали. По представлениям того времени, ничего не было оскорбительного в обычае преподносить подарки и принимать их, и, как можно заключить из сохранившихся мемуаров, так было принято и в XIX веке.

Между тем выросли сыновья Ротшильда и уже могли помогать отцу во всех его делах. 29 августа 1770 года Майер Амшель женился на дочери коммерсанта Вольфа Соломона Шнапера, проживающего недалеко от дома Ротшильда. Род тестя принадлежал к старым еврейским семьям Франкфурта. Приданое невесты составило 2 тыс. 400 флоринов. Гу тле Шнапер была простой, скромной и очень хозяйственной женщиной. В счастливом браке она подарила своему супругу десять детей: пять сыновей и пять дочерей. Ведение домашнего хозяйства и воспитание детей занимало очень много времени. За всю свою жизнь она так и не покинула еврейского квартала и до самой смерти оставалась жить в том же доме, где их семье суждено было добиться наивысшего процветания.

Старший сын, Амшель Майер, родился 12 июня 1773 года, 16 ноября 1793 года он женился на Еве Ганау. В документах имени отца и сына - Майер Амшель и Амшель Майер - часто путали. Лишь при ближайшем и более подробном изучении удавалось установить, кто из них имеется в виду. Часто встречается и различное написание Майер и Мейер. Амшель умер 6 декабря 1855 года.

Соломон Майер, второй сын, родился 9 сентября 1774 года. 26 ноября 1800 года он женился на Каролине Штерн, а умер в один год со своим старшим братом, 27 июля 1855 года.

Натан Майер, третий сын, оказавшийся самым талантливым из "Пяти Франкфуртцев", появился на свет 16 сентября 1777 года. Он был женат на Ганне Коэн из семьи южных евреев. Но уже 28 июля 1836 года он умер.

Четвертый сын, Карл Майер, родился 24 апреля 1788 года, 16 сентября 1818 года женился на Адельхайд Герц. Он умер 10

марта 1855 года. Из пяти франкфуртцев трое братьев умерли в один и тот же год.

Якоб, или Джеймс, самый младший, родился 15 мая 1792 года, 11 июля 1824 года он женился на своей племяннице Бетти Ротшильд. Смерть настигла его 15 ноября 1868 года.

Примечательным для сыновей и дочерей Ротшильдов является их стремление сочетаться браком с известными семьями, принадлежащими к верхнему израильянскому слою, имена которых были у всех на слуху. И эта политика, характерная для придворных факторов, способствовала продвижению дома Ротшильда. Дочери вышли замуж в семьи Вормса, Зихеля, Байфуса, Монтефиоре.

Когда Майер Амшель стал стареть и болеть, его часто в деловых поездках заменяли сыновья. Тайны всех деловых сделок оставались в кругу семьи. Уже в молодые годы оба старших сына были агентами военного казначейства Гессена. Но особым отличием для отца и сыновей считалось назначение императорским фактором при дворе Франца II за заслуги, которые они, как поставщики армии, имели во время наполеоновских войн.

Придворные факторы всегда стремились иметь дело с поставками для армии. При определенном риске это всегда было выгодным предприятием, и большинство семей евреев верхнего слоя в Германии заложили основу своего состояния именно благодаря поставкам для войск. Наполеоновские войны, продолжавшиеся почти четверть века, предоставили Ротшильдам возможность проводить различные финансовые операции на высоком уровне и с большой выгодой для себя.

Титула императорского придворного фактора для себя и своих сыновей Ротшильд настойчиво добивался в Вене. 28 августа 1799 года Майер Амшель, так он подписывался тогда, а позже - Мейер, из Франкфурта направил в Вену свою просьбу, указывая в ней на значительные поставки, которые он осуществлял во время войны против Франции, и другие свои заслуги. В ответ на нее Майер Амшель Ротшильд и его сыновья Амшель Майер и Соломон Майер получили патент императорских придворных факторов от 7 марта, 8 марта и 4 мая. Каждому был выдан отдельный патент, что вызывает удивление.

Следуя общей практике, отец и сыновья должны были этот титул получить в одном документе.

Далее следует упомянуть также, что о назначении Ротшильдов императорскими придворными факторами нужно было письменно известить Майнц, Пфальц, Саксонию, архиепископов Вюрцбурга и Бамберга, Дармштадта, архиепископа Зальцбурга, города Равенсбург, Швебиш Гмюнд и Вюрцбург. В прежние годы Габсбург часто присваивал евреям-финансистам звание придворного фактора, но нигде не было отмечено, что об этом назначении так широко оповещали бы, как в случае с Ротшильдом и его сыновьями.

Когда милостью Наполеона было образовано Великое герцогство Франкфурт, Ротшильды служили новому князю Дальбергу финансистами. За финансовую поддержку контингента войск Франкфурта, сражавшегося на стороне Франции в Испании в 1810 году, Мейер Амшель был назначен советником департамента.

Амшель Майер Ротшильд был также действительным придворным фактором князя Карла Фридриха Людвиг Морица фон Изенбург-Бюдинген с 15 июля 1803 года, а 29 декабря этого же года он стал придворным фактором магистра ордена иоаннитов, 4 января 1804 года назначен к князю Турн и Таксис.

Насколько сильно стремились Ротшильды стать придворными евреями, свидетельствует их положение в доме князя Изенбург-Бирштейн, где главным финансистом был советник казначейства Вольф Брайденбах. Ротшильд работал вместе с ним. Его сын Амшель 29 августа 1803 года стал придворным фактором в Изенбург-Бирштейне. В качестве вознаграждения он должен был довольствоваться бесплатной доставкой дров на его квартиру во Франкфурте. 7 ноября 1803 года князь распорядился вновь назначенному придворному фактору доставлять дрова в течение всего года. Ротшильд предоставил обремененному долгами дому Бирштейна ссуду в 50 тыс. гульденов. Для маленькой страны это была очень большая сумма. В этом деле Брайденбах был посредником. Он и выплатил причитающиеся проценты своему франкфуртскому коллеге. И в последующие годы Ротшильд и сыновья работали при дворе Изенбург-Бирштейн.

В 1815 году, будучи посредниками у лорда Веллингтона и лорда Кастрлафа, Ротшильды добивались в Париже и Лондоне субсидии для Бирштейна, чтобы таким образом оказаться поближе к их деньгам. Но здесь посредничество Брайденбаха и Ротшильда оказалось безуспешным. Сам факт, что Ротшильды в 1803 году, имея к тому времени приличное состояние, довольствовались доставкой дров в качестве вознаграждения, свидетельствует в первую очередь о стремлении показать всему миру, что они находятся на княжеской службе.

В декабре 1812 года Майер Амшель Ротшильд и его сыновья стали придворными банкирами Великого герцога Франкфуртского.

Из недавно обнаруженных документов государственного архива Вюрцбурга следует, что согласно распоряжению от 16 декабря 1813 года, придворным банкирам Великого герцога Франкфуртского в качестве годового вознаграждения князя Ашафенбурга было выдано: 72 центнера сена, 72 мальтера овса, 10 возов соломы, 30 сажень дров за службу 1 января 1813 года. Эта оплата натурой была пожалована Ротшильду и его сыновьям пожизненно за разнообразную службу на благо Великому герцогству. В 1813 году им выдали также и продукты из винного погребка Ашафенбурга. Позже, когда в ходе политических изменений княжество Ашафенбург было присоединено к короне Баварии, 29 ноября 1814 года Ротшильды попросили сохранить за ними эту оплату, указывая на то, что они самоотверженно служили Франкфурту, а следовательно, и Ашафенбургу, с готовностью предоставляя значительные ссуды. "В то время, когда казна оказывалась полностью опустошенной и государство испытывало большие затруднения, никто не решился предложить такую ссуду. Никаких денег до сих пор не поступило, поэтому подобную оплату натурой можно было бы рассматривать как причитающееся нам возмещение убытков, которые мы понесли, отдав займы солидный капитал".

Из прилагаемых далее документов следует, что в 1813 году дом Ротшильда предложил князю Дальбергу ссуду в 200 тыс. флоринов для покрытия расходов по денежному довольствию армии. Великий герцог принял эти деньги и в знак благодарности велел дать ему к дровам еще и корм для лошадей. Все старания Ротшильдов и далее получать оплату натурой, но теперь уже от Баварии как наследницы Ашафенбурга не увенчались успехом. В последующих документах слово "пожизненно" не встречается. Переговоры закончились актом от 1817 года. Считалось, что в это время Ротшильды уже владели миллионами, а их прошения свидетельствуют как раз о том большом значении, которое они придавали

государственному жалованью.

Сотрудничество Дальберга и Ротшильда в первую очередь пошло на пользу франкфуртским единоверцам. Как и все придворные факторы, Майер Амшель своим влиянием старался облегчить судьбу израильтян. При этом Ротшильды действуют вместе с Якобом Барухом, сыном известного кельнского придворного еврея Симона Баруха и отцом Людвига Берне. Майер Амшель снискал себе расположение Дальберга, предложив ему займы под 5% 80 тыс. гульденов для поездки в Париж, где Великий герцог Франкфурта хотел присягать на верность новому королю Рима. Из чувства неприязни к Наполеону коммерческий мир Франкфурта отказал ему в этой сумме. “Благодаря этой услуге он добился полного доверия Великого герцога и сумел так воспользоваться этой милостью, что с тех пор герцог ни в чем не отказывал Ротшильдам”, - так было написано в одном из сообщений французов.

Ротшильды хорошо ладили и с господином фон Итцштайном, начальником полиции Великого герцогства. Итцштайн был покровителем Майера Амшеля и всех евреев Франкфурта. Хотя Дальберг и издал новый указ с некоторыми льготами для 500 семей Франкфурта, но это не удовлетворяющее евреев решение было отклонено влиятельным тайным советником Израелем Якобсоном, страстным борцом за эмансипацию евреев.

Майеру Амшелю и его единоверцу Гумпрехту удалось уговорить Дальберга освободить евреев от ежегодной уплаты налога в 22 тыс. флоринов и дать им гражданские права, чтобы уравнивать их с христианами. В качестве платы за это Дальберг потребовал единовременный взнос в двадцатикратном размере. Майер Амшель дал своим единоверцам 100 тыс. флоринов, почти четверть суммы. Кроме этого, он добился у Дальберга, чтобы из этих 440 тыс. флоринов наличными было выплачено 150 тыс., остальные - 24 облигациями au porteur (на предъявителя). Этой сделкой остался недоволен сенат, враждебно настроенный по отношению к евреям. Аристократическая верхушка города считала, что Дальберг лично получил “подарок”. Один из агентов австрийской полиции якобы заявлял, что Великий герцог за эмансипацию лично получил 33 тыс. каролинок. Дальберг так обрадовался “искусно завершенному дельцу”, что одарил министров, заключавших сделку, и их жен по 40 тыс. франков каждого. Тайный советник Итцштайн получил 10 тыс. франков, дом Ротшильда тоже 10 тыс. франков “за доброе содействие”. 50 тыс. Дальберг оставил “в руках дома Ротшильда, в качестве уплаты в рассрочку того, что я ему должен”.

27 сентября 1810 года Майер Амшель придал своему предприятию прочную форму, основав фирму “Майер Амшель Ротшильд и сыновья”. Старик сделал своих пятерых сыновей совладельцами фирмы. В договоре был указан основной капитал в 800 тыс. флоринов, притом 370 тыс. флоринов должны были принадлежать отцу, сыновьям Амшелю и Соломону по 185 тыс., Карлу и еще несовершеннолетнему Джеймсу по 30 тыс. Натан, уже много лет проживающий в Лондоне, не был упомянут в договоре по деловым соображениям. На самом деле Майер взял на себя 12 пятидесятых частей, причитающихся Натану. Во всех делах решающий голос оставался за Майером, так как он “с помощью Всевышнего, благодаря своему усердию, приобретенному еще в молодые годы, проницательности в делах, несмотря на преклонный возраст, продолжает неутомимо трудиться и один заложил основы процветания дела, обеспечив тем самым счастье своих детей”. Далее в договоре следовало определение, согласно которому дочери и зятя не должны добиваться разрешения просматривать книги и другие документы. Для каждого партнера был предусмотрен конвенциональный штраф в случае, если он решит обратиться в суд. Споры между братьями должны разрешаться внутри семьи, сохраняя единство дома. В договоре были особо отмечены заслуги Майера Амшеля и было сказано, что он заложил основы процветания дома, но сегодня из различных источников хорошо известно, какое активное участие принимал в этом Будерус, во многом помогали и старшие сыновья.

Спустя два года, когда Майера Амшеля охватили предчувствия смерти, он создал весь дом и вместо прежнего составил новое завещание. В нем говорилось, что всю свою долю в фирме, свои ценные бумаги, свой винный склад он за 190 тыс. флоринов продает сыновьям, которые в дальнейшем останутся самостоятельными владельцами фирмы. Дочери, их мужья и наследники полностью отстранялись от деятельности торгового дома, а не только от просмотра книг. Из 190 тыс. 70 Майер оставил фрау Гутле, остальные деньги получили пять его дочерей. В конце завещания Майер Амшель советовал своим детям жить в согласии, любви и дружбе. Через два дня после составления завещания, 19 сентября 1812 года, Майер Амшель ушел из жизни. Вряд ли он подозревал, что заложил основу “власти мира”.

Об основателе банкирского дома нет подлинных сведений, нет его портрета. В возрасте 25 лет его изображали высоким стройным мужчиной ярко выраженного израильского типа с добродушным выражением лица. По обычаям того времени он носил парик, но, будучи евреем, не смел его пудрить. Как и у отцов, у него была маленькая черная острая бородка. Несмотря на свое богатство, гетто он не покинул, оставался незаметным, терпеливым придворным евреем, без особого образования. Он даже плохо владел немецким языком. В этом смысле особенно примечательно письмо курфюрсту от 21 апреля 1805 года, текст которого изобилует огромным количеством ошибок <В тексте оригинала письмо приводится полностью. Передать все ошибки при переводе на русский язык не представляется возможным, т, к, при этом пропадает весь замысел автора>.

Другие придворные факторы того времени тоже не отличались особой грамотностью. Как правило, переписка между придворными финансистами и представителями власти вызывала двоякое толкование. В век абсолютизма заявления и другие документы, составляемые придворными факторами, обычно переписывались обученным персоналом на немецком языке той эпохи.

Трудно определить действительные размеры состояния Ротшильда на день его смерти. Ротшильды никогда не заглядывали в документы. Известно, что сам Майер Амшель вел двойные книги, одни могли быть предъявлены властям и налоговым ведомствам, а другие содержали секретные и прибыльные дела.

Когда Майер Амшель умер, он не был ни самым богатым евреем Франкфурта, ни конкурентом крупных придворных факторов того времени. В 1800 году он был десятым в ряду состоятельных евреев. Большее состояние было тогда у Йозеля Галле и его зятя Маркуса Баруха, Бенедикта Арона Майя, Гумперта Исаака Элиаса и Михаэля Шпайера, императорского придворного фактора с 1781 года. Его состояние, нажитое на армейских поставках, уже тогда составляло 420 тыс. флоринов. Миллионные состояния оставили и известные придворные финансисты Вены, такие как Симеон Вертгеймер и Абрахам Ветцлар барон фон Планкенштерн. Придворный монетчик Фридриха Великого Ефраим, Итциг и Исаак владели каждый по миллиону талеров. Тайный финансовый советник Израель Якобсон обладал к этому времени такими земельными владениями, которые значительно превосходили состояние Ротшильда, не считая наличного капитала. Это касается и вюрцбургского придворного банкира Якоба фон Гирша из Геройта. Еще большим состоянием обладал тогда крупный придворный банкир Мюнхена Арон Элиас Зелигман барон фон Эйхталь. В завещании от 1810 года Майер Амшель Ротшильд определил стоимость своей фирмы в 800 тыс. флоринов. В этом же году семья придворного фактора Оппенгейма провела по книгам собственный капитал в один миллион французских франков. Сам он был родом из Франкфурта, с 1734 года работал сначала в Бонне, а затем в Кельне.

Главу о Майере Амшеле Ротшильде мы закончим характеристикой, которую дал ему публицист и писатель Людвиг Берне. Он тоже был выходцем из еврейского квартала Франкфурта и хорошо знал старого Ротшильда.

"Старший Ротшильд был набожным человеком, само благочестие и добродушие. У него было доброе лицо с острой бородкой, на голове он носил треуголку, его одежда была более чем скромной, почти жалкой. Так и ходил он по Франкфурту всегда в окружении целой свиты нищих. Им он подавал милостыню или добрые советы. Если на улице встречалась толпа нищих с довольными и спокойными лицами, то уже знали, что здесь недавно проходил старший Ротшильд. Однажды, когда я еще был маленьким мальчишкой, мы с отцом шли как-то в пятницу вечером по еврейскому кварталу и встретили Ротшильда, как раз вышедшего из синагоги. Помню, что, поговорив с отцом, он и мне сказал несколько теплых слов, а потом положил мне руку на голову, как бы благословляя меня".

В другом очерке говорится: "Он, как и многие другие евреи, верил, что Бог особенно награждает за те добрые дела, которые не ждут благодарности. Поэтому поздно вечером он выходил на улицу, совал в руки каждому бедно выглядевшему встречному несколько монет и быстро удалялся". Его вдова, Гутла, пережила Майера Амшеля на много лет. Она была свидетельницей блестящего продвижения сыновей, но никогда не хотела покинуть еврейского квартала, чтобы переехать к детям. "Здесь я видела, как мои сыновья становились богатыми и крепкими. Сейчас мне в моем возрасте уже не нужно надрываться, чтобы обеспечить будущее детей, но их интересы могут быть ущемлены, если я из гордости решусь покинуть мою жалкую хижину". До 90 лет она оставалась совершенно здоровой. Но когда в конце концов ей пришлось обратиться к врачу, она не была удовлетворена его предписаниями и на извинения врача возразила, что он, к сожалению, не в силах вернуть ей ушедшую молодость: "Ваши лекарства не сделают меня моложе, от них я еще больше постарею". Так она стала еще старше на четыре года. 7 мая 1849 года на 94 году жизни мать "Пяти Франкфуртцев" навеки закрыла глаза.

ПРОДВИЖЕНИЕ ДОМА РОТШИЛЬДОВ К МИРОВОЙ СЛАВЕ И ПРИЗНАНИЮ ПРИ "ПЯТИ ФРАНКФУРТЦАХ"

В популярной литературе можно прочесть, что сыновья Майера Амшеля уже миллионерами начинали свою деятельность, а внуки даже были миллиардерами, но все это сильно преувеличено. Миллионером не начинал никто из сыновей, включая и Натана в Лондоне. У них, конечно, был солидный капитал, но миллионы, которыми они стали обладать уже в конце жизни, они заработали сами. Миллиардерами стали последующие поколения, уже в XX веке, это были даже не их внуки.

Тайна успеха сыновей Майера Амшеля кроется прежде всего в строгом следовании основным принципам, которые постоянно внушал им их отец и оставил в своем завещании.

Дипломат, публицист и задушевный друг князя Меттерниха, Фридрих фон Генц, до конца своей жизни поддерживающий дружеские отношения со всеми Ротшильдами, пытался проникнуть в тайну продвижения Ротшильдов к мировому признанию и пришел при этом к следующим выводам:

"Вопрос о том, как дом Ротшильдов смог за такое короткое время осуществить все, чего они в действительности достигли, без сомнения, интересовал меркантильные и политические умы. По всей видимости, на него не так трудно ответить, как это обычно думают. Кто, не останавливаясь на случайностях, способен понять, что успех во всех больших начинаниях зависит не только от выбора и использования благоприятного момента, а в большей степени еще и от строгого соблюдения однажды усвоенных главных принципов, тому сразу станет ясно, что было два основных положения, которые этот дом никогда не упускал из виду. Наряду с мудрым ведением дел и использованием выгодной конъюнктуры именно им они главным образом обязаны своим сегодняшним процветанием.

Первое из этих основных положений побуждало пять братьев всегда вести дела в постоянном содружестве. Это был завет, оставленный умирающим отцом. И если когда-либо над ними всходила счастливая звезда, то они были полны решимости никогда не нарушать этого правила.

После смерти отца любое предложение, с какой бы стороны оно ни исходило, было предметом совместного обсуждения, любую даже самую незначительную операцию они проводили по заранее обговоренному плану, прилагая общие усилия. Прибыль всегда делили поровну.

В течение многих лет они жили далеко друг от друга: Франкфурт, Вена, Лондон, Париж, Неаполь. Но это обстоятельство не мешало их тесному взаимопониманию. Даже наоборот, из этого они извлекали определенную пользу, так как всегда были информированы о положении дел в различных столицах. И каждый в своем городе мог более целесообразно подготовить дела, которые следовало осуществить всей фирмой.

Второе основное положение, которое они никогда не выпускали из поля зрения, заключалось в том, чтобы никогда не гнаться за непомерно высокой прибылью, любую операцию держать в определенных рамках и, насколько позволяет человеческая предусмотрительность и мудрость, оградить себя от случайностей. В этом основном правиле: *Servare modum finemque tenere* - знать меру и никогда не терять цель из виду - заключается один из главных секретов их силы.

Немалое влияние на успех их предприятия оказали и личные моральные качества пяти братьев. Совсем не трудно создать многочисленную партию, если своим делом сумеешь заинтересовать других. Но чтобы объединить голоса всех партий и добиться их уважения, нужны не только материальные средства, но и определенные черты характера, которые не всегда зависят от власти и богатства”.

Автор попытается подтвердить это суждение Генца. Благодаря справедливости своих требований, пунктуальности своих действий, простоте и ясности изложения своих предложений и четкому их исполнению они постоянно пользовались доверием всех правительств и знатных семей, что является одним из решающих факторов процветания любого банка. Сотрудничество и взаимная поддержка двух братьев была почти легендарной.

С полным правом Генц подчеркивает то обстоятельство, что пять братьев рассредоточили свое предприятие в пяти важнейших центрах. Одновременно это были и главные центры политической жизни. Амшель Майер, старший сын, вел все дела родового дома во Франкфурте, куда сходились все нити фирмы. Натан и Джеймс еще при жизни отца переехали в Англию и Францию и основали свои фирмы в Лондоне и Париже. Соломон поселился в имперской столице Вене, откуда князь Меттерних правил всей политикой в Европе. Карл Майер основал свой банк в Неаполе, который через империю Бурбонов обеспечивал деньгами и другие итальянские города, даже Ватикан.

В XIX веке пять братьев выпускали государственные займы почти для всех стран, что дало дому Ротшильдов возможность превратиться в абсолютную финансовую монархию. О пяти финансистах Берне писал: “Устойчивое равновесие в Европе поддерживалось евреями. Сегодня они дают деньги одной власти, завтра - другой, всем по очереди и заботятся таким образом о всеобщем мире”. Мы увидим далее, что внук придворного фактора Берне очень метко охарактеризовал положение Ротшильдов того времени.

Неоднократно возникал вопрос, почему у дома Ротшильдов не было своих филиалов в Берлине и Петербурге. В Берлине утвердились банки евреев Мендельсона и Блайхредера, не считая многочисленных мелких банков. Именно банк Блайхредера установил тесные отношения с прусским государством, с Гогенцоллернами и с князем Бисмарком. Поэтому Ротшильды избрали здесь путь сотрудничества с банком Блайхредера, сделав его своим представителем в Пруссии. Ведущей финансовой силой Петербурга был дом Штиглица. Когда Ротшильды попытались обосноваться там, барон Штиглиц своим личным обращением к царю помешал открытию филиала “еврея” Ротшильда.

Без ущерба для тесных и доверительных взаимоотношений между пятью братьями, каждый из них умел в своей более узкой сфере поддерживать превосходные отношения с компетентными и влиятельными членами правительства. Еще и сегодня достойна удивления их информационная служба, всегда вовремя оповещавшая обо всех политических и финансовых намерениях. Если они намеревались получить крупный и прежде всего долгосрочный государственный заем или добиться монопольного положения в какой-либо определенной экономической области, то не боялись огромными взятками привлечь на свою сторону министров, партии и даже парламенты. Во Франции Джеймс пользовался этой системой с особым размахом.

Но в XIX веке пять братьев занимались не только финансовыми делами, не только “загрэбали” деньги ради денег, как говорили о них. Как и дом Оппенгейма в Кельне, они прежде всего предугадали рентабельные возможности промышленной революции. В Англии, Франции, Германии и Австрии они развили широкую экономическую деятельность, вложили свое состояние в крупные промышленные предприятия и в земельную собственность. В своих странах они считались самыми крупными землевладельцами.

Постоянному единству пяти братьев не могло помешать и то обстоятельство, что различные политические течения последующих десятилетий оказали влияние на их убеждения. Англия и Франция, так называемые западные державы, проводили либеральную политику, поэтому и предпринимательская деятельность братьев Натана и Джеймса проходила более свободно, раскованно по отношению к правительству, которое было более демократичным, чем в странах Центральной Европы. Амшель во Франкфурте и Соломон в Вене, как и их последующие поколения, оставались тесно связанными с правящими династиями, были настроены консервативно и поддерживали более близкие отношения с аристократическими кругами своих стран. Карл Майер в Неаполе, будучи евреем-финансистом, имел даже связи с Ватиканом и за свои займы был награжден высшими орденами папства. Именно консервативная держава Австрия возвела братьев Ротшильдов в дворянство и присвоила каждому впоследствии звание имперского барона.

Из пяти братьев блестящим даром финансиста обладал третий, Натан. Он больше всех способствовал процветанию и повышению авторитета дома Ротшильдов. Благодаря служебному рвению, проявленному во время наполеоновских войн, он сумел приобрести полное доверие английских политических деятелей и пользовался им на протяжении всех пятидесяти лет своей деятельности. Как его отец Майер Амшель полвека верой и правдой служил гессенскому курфюрсту, так и Натан в Лондоне постоянно сотрудничал с Джоном Чарльзом Гарри-сом, который вначале был личным секретарем английского канцлера казначейства, потом начальником по снабжению союзников и британских войск, сражавшихся на континенте, а в конце концов и канцлером казначейства.

В 1798 году Натан переехал в Англию, где, будучи агентом своего отца, скупал в Манчестере изделия фабрик, став таким образом коммерсантом, полезным в торговле дома Ротшильдов. Позже Натан рассказывал одному из гостей о своих начинаниях:

“Во Франкфурте было слишком мало места для всех нас. Я вел дела с английскими товарами. Как-то приехал один англичанин, полностью владевший рынком. Он строил из себя великого человека и вел себя так, как будто оказывал нам милость, продавая нам свои товары. Я каким-то образом обидел его, и он отказался показывать мне свои образцы. Это случилось во вторник. Тогда я сказал отцу:

“Я сам поеду в Англию!” Я говорил только по-немецки, но это ничего для меня не значило. В четверг я уже уехал. Чем

ближе была Англия, тем дешевле становились английские товары. Прибыв в Манчестер, я истратил все свои наличные на покупки. Все было очень дешево, и я получил большую прибыль. Вскоре я понял, что из этого предприятия можно извлечь тройную пользу: заработать на сырье, окраске и на собственном изготовлении. Фабриканту я сказал: “Я поставлю тебе сырье и краску, а ты мне - готовый товар”. Таким образом, я получил тройную прибыль и стал продавать дешевле других.

За короткое время с моими 20 тыс. фунтов стерлингов я получил 60 тыс. фунтов, двойную прибыль. Для достижения успеха я использовал только единственный принцип. Я сказал сам себе: “Что могут другие, то и я смогу”. Так я достиг уровня того англичанина с образцами и многих других. У меня было еще одно преимущество: коммерсантом я стал экспромтом, без всякой подготовки. Я все брал с собой и на месте заключал договор”.

В 1803 году Натан переехал в Лондон а в 1803 или 1804 году основал там еще и сегодня существующий банк “Натан Майер Ротшильд и сыновья”. В 1812 году Джеймс основал в Париже фирму “de Rothschild Freres” (“Братья Ротшильды”). В 1816 году Соломон открыл в Вене банкирский дом “С.М. фон Ротшильд”, в 1820 году Карл Майер фон Ротшильд стал главой филиала в Неаполе. Родовой дом во Франкфурте вел Амшель Майер фон Ротшильд. Эти “Пять Франкфуртцев” руководили всеми банками как единым совместным предприятием. Их содружество прежде всего уменьшало риск, возможный при крупных государственных займах. Так называемые пул-договоры обеспечивали общность интересов. Каждые три-пять лет братья встречались на собрании общества. Эти “пять пальцев одной руки” сумели до конца века пользоваться определенной международной привилегией на эмиссию крупных государственных займов.

Самые крупные финансовые операции проводились в период между восхождением Наполеона! и свержением Наполеона III. До самой своей смерти Натан в Лондоне был основной движущей и направляющей силой всех этих операций. Его успех в Англии тесно связан с курфюрстом Гессена, который в 1809 году установил с Натаном связь через Будеруса. В феврале 1809 года Натан получил заказ скупить на 150 тыс. фунтов стерлингов трехпроцентный английский аннуитет по курсу 73,5. Так как фунт равнялся 11 флоринов, Будерус должен был выплатить Ротшильду 1 млн. 212 тыс. 750 флоринов. В декабре курфюрст решил приобрести капитал в английских акциях на сумму 150 тыс. фунтов на тех же условиях. Курфюрст был доволен, что сумел надежно вложить свои излишки, составлявшие ежегодно по меньшей мере 750 тыс. флоринов. В сентябре 1810 года последовал новый договор на приобретение английских акций на 150 тыс. фунтов по курсу 74%. Когда Ротшильду снизил цены до 73 %, капитал повысился до 250 тыс. фунтов. Таким образом, в 1809 - 1910 годах Натану Ротшильду поручили скупить трехпроцентный аннуитет на 550 тыс. фунтов. Покупная цена курфюрста составила 3 млн. 240 тыс. 875 флоринов. Эта сделка была самой выгодной из всех дел, которые вел банкирский дом Ротшильдов с курфюрстом, что способствовало быстрому продвижению филиала в Лондоне.

Приобретение аннуитетов было проведено так, что фирма “Ротшильд и сыновья” деньги курфюрста перед их окончательным вложением могла использовать для краткосрочных выгодных дел.

В эти же годы Натан в Лондоне, а Джеймс во Франции проводили крупные дела по закупке золота и посредничеству в обмене для союзников против Наполеона, поэтому справедливо будет предположить, что финансовые операции осуществлялись на миллионы курфюрста. Натан Ротшильд был вынужден служить английскому финансовому управлению. С 1808 по 1816 год союзникам на континенте были переведены из Англии многие миллионы. Только за один год эта сумма составила 11 млн. фунтов стерлингов.

Британское правительство поручило банкирскому дому перевод денег для английской армии в Испании. Деньги нужно было контрабандой переправить через Францию. Здесь Джеймс Ротшильд проявил все свое искусство банкира. Он сумел вместо в заблуждение французские власти, представив перевод денег англичанами как проявление их слабости. Наполеон и французские ведомства даже и не пытались вникнуть в истинную суть дела. Эта акция во многом способствовала поражению Наполеона, чем Натан по праву гордился: “Когда я открыл торговлю в Лондоне, компания из Восточной Индии продала золота на 800 тыс. фунтов стерлингов. Я скупил все, так как знал, что золото нужно герцогу Веллингтону. Я по дешевой цене приобрел большое количество его векселей. Меня вызвали в правительство и заявили, что это золото им нужно, но они не знали, как его можно доставить в Португалию. Я взялся за это дело и переправил деньги через Францию. Это было самое удачное из всех моих предприятий”.

Это действительно было одно из самых смелых дел Ротшильдов. Но Натан и Джеймс так удачно провели трансферт через Францию, что с тех пор английское правительство стало доверять Натану самые крупные финансовые операции. Так, например, по поручению правительства он купил в Париже вексель на 200 тыс. фунтов, что было необходимо для финансирования возвращения Людовика XVIII на французский трон.

После свержения Наполеона с престола аппарат Ротшильдов осуществил трансферт в 120 млн. фунтов французской репарации из Парижа в Лондон, Вену и Берлин. Капиталов банков Ротшильдов было достаточно, чтобы предлагать такие миллионные суммы. Ни одна банковская фирма континента не могла провести подобную финансовую операцию, не говоря уже о крупных займах.

В 1904 году, в год юбилея Лондонской фирмы, был опубликован каталог займов с 1804 по 1904 год. Насколько он был полным, осталось под вопросом, как и то, были ли это займы всех пяти домов, потому что у Ротшильдов были дела, о которых так и не узнали потомки. Но даже в этих займах отчетливо отражается политика XIX века. Они полностью опровергают утверждение о том, что Ротшильды не занимались политикой и их интересовали только деньги. Известно, что их заемная политика во время кризисов 1830 и 1840 годов предотвратила войну, а в 1866 году они не дали денег ни Пруссии, ни Австрии. Их финансовые операции после 1815 года были далеки от всяких войн. Но полностью прекратить войны в мире не под силу было даже финансовому могуществу дома Ротшильдов.

Предложив в 1824 году заем Бразилии, Ротшильды вышли за пределы Европы. До конца века Бразильская империя оставалась в финансовом отношении доменом Ротшильдов.

Заем, предоставленный Греции в 1832 году под гарантии Англии, Франции и России, дал Афинам возможность образовать независимую монархию.

Как известно, французскую репарацию Германии в 1870-1871 годах ускорили с французской стороны Ротшильд, с немецкой стороны Герсон Блайхредер, доверенное лицо Бисмарка. Получение этих 5 млрд. франков было большим

достижением “Н.М. Ротшильда и сыновей” совместно с банкирским домом Баринга Бротерса, где вначале были собраны два миллиарда, затем в 1872 году еще три миллиарда франков. Банкиры и финансисты, во главе с фирмой “Н.М. Ротшильд и сыновья”, гарантировали стабильность обменного курса. Эта крупная акция в пять миллиардов, проведенная совместно с бароном Альфонсом фон Ротшильдом из Парижа, стала возможной лишь потому, что семья Ротшильдов и их друзья мобилизовали все свои источники и всю свою энергию.

Операцией еще большого политического значения считается приобретение 49,3% основного капитала акций Суэцкого канала. Для этого английскому правительству понадобилось почти 80 млн. Нужно было действовать очень быстро. Ротшильд представил деньги тотчас же. Нет ничего удивительного в том, что премьер-министр Дизраэли воскликнул:

“Ротшильды не могут быть лишними”.

Когда Англия отменила рабство, Натан предоставил заем в 15 млн. фунтов, чтобы возместить убытки рабовладельцам.

Что Ротшильды ставят на карту во время военных потрясений, хорошо можно понять из письма Джеймса своему брату Соломону в 1830 году: “У нас еще на 18 млн. франков номинальной французской ренты. Если сохранится мир, получим 75%, а если разразится война, то 45%... Поверь мне, по моему мнению, сейчас многое зависит от князя (Меттерниха); если он захочет мира., то будет мир”.

У Натана было четыре сына и три дочери. Еще при жизни он завещал своим детям около 800 тыс. фунтов. Кроме того, каждый из его сыновей унаследовал еще 120 - 150 тыс. фунтов, помимо торгового капитала. Помпезные похороны 8 августа 1836 года в Лондоне показали, какую власть и силу приобрел Ротшильд в Англии. За гробом шли послы великих держав, лорд мэр, шерифы, члены муниципалитета, на ногах был весь Лондон. Руководство общим домом теперь перешло к Джеймсу в Париже. Главой фирмы в Лондоне стал сын Лионель. Когда в 1858 году его в четвертый раз избрали в нижнюю палату, дружба с консерватором Дизраэли дала ему возможность провести в Англии полную эмансипацию евреев.

После основания рейха финансовая политика лондонских Ротшильдов была направлена на установление взаимопонимания между Германией и Англией. Но именно здесь оказалось, что политические силы все же сильнее финансовых интересов. В 1866 году дом Ротшильдов напрасно старался помешать войне с Пруссией. В 1879 году Лионель умер. Его сменил Натаниель. Состояние Ротшильдов в Лондоне оценивалось тогда в два миллиарда марок. Вначале Натаниель был наследным бароном, в 1885 году стал лордом. Он был первым евреем, который вошел в палату лордов. Потомки Натана полностью срослись с английским обществом. Они занимались не только финансовыми делами, но интересовались искусством и наукой. Женская половина выходила замуж в дома английской аристократии, не меняя своей веры. Ганна Ротшильд (1851-1890) была супругой премьера лорда Розбери, она пользовалась большим авторитетом в среде английских евреев.

Джеймс Ротшильд в самом начале своей деятельности был только агентом брата Натана в Париже. После свержения Наполеона он все больше и больше стал вникать в финансовые дела родового банка и уже смог самостоятельно принимать участие в крупных государственных займах и делах бирж и промышленных предприятий. Будучи противником Наполеона, он быстро установил добрые отношения с возвратившимися Бурбонами. Когда в результате июльской революции Бурбоны были свергнуты, парижскому банкирскому дому удалось войти в контакт с буржуазным королем Луи Филиппом из дома Орлеанской линии.

Еще больше, чем Натан в Лондоне, он поддерживал постоянные связи с ведущими министрами, поэтому всегда был в курсе их планов. Часто случалось так, что тексты их речей в парламенте ему были известны еще до того, как их произносили. Он был настоящим мастером в нужное время и в нужном месте вручить подарок (Douceurs). Этим же методом он привлек на свою сторону и прессу. Хотя Ротшильды не основали ни одной газеты, своими финансовыми средствами они довольно сильно влияли на их политическое направление. Используя различные Douceurs, он смог привлечь на свою сторону и видных публицистов. Известный поэт Генрих Гейне был частым гостем в доме Джеймса Ротшильда. Гейне зарабатывал часто на биржевых сделках Джеймса, поэтому принимал “подарки” без лишней скромности. На праздниках и торжествах Джеймс охотно окружал себя учеными и артистами. Он хотел слыть не только “королем Ротшильдом I”, по и меценатом.

Первые финансовые акции, в которых Джеймс принимал участие, касались превращения прежних пятипроцентных государственных займов в трехпроцентные. Из других государственных займов особенно следует указать на займы папе, где Джеймс, пользуясь случаем, вкладывал деньги для своих единоверцев в теократическом государстве. Какие прибыли получал Джеймс от спекуляций на бирже, рассказывает в своих письмах дипломат Курт фон Шлецер. 23 мая 1864 года барон Александр фон Штиглиц, директор Русского государственного банка, потомок придворного еврея из Арользена, посетил своего коллегу Джеймса Ротшильда, который поведал ему, что неожиданно сразу выиграл на бирже 24 миллиона. Обратившись к Штиглицу, он признался, что ничего подобного на бирже еще не случалось.

За четверть века Джеймс стал вторым из самых богатых людей, только состояние короля было больше. Несколько озлобленно описывает Гейне положение Джеймса в середине века: “Мне приходилось видеть людей, которые, приближаясь к великому барону, вздрагивали, как будто касались вольтова столба. Уже перед дверью его кабинета многих охватывает священный трепет благоговения, какое испытывал Моисей на горе Хорив, когда он заметил, что стоит на священной земле. Точно так же, как и Моисей, снимал свою обувь, так и какой-либо маклер или агент по обмену, отважившись переступить порог личного кабинета господина Ротшильда, прежде всего стягивал с себя свои сапоги, если не боялся при этом, что его ноги будут пахнуть еще хуже, и этот запах стеснит господина барона. Личный кабинет Джеймса и на самом деле представляется удивительным местом, вызывающим возвышенные мысли и чувства, как вид океана или неба, усеянного звездами: здесь можно почувствовать, как ничтожен человек и как велик Бог! А деньги - это Бог в наше время, и Ротшильд - его пророк”.

Натан указал братьям на те выгодные шансы, которые может предоставить строительство железных дорог. Он

посоветовал им принять в этом участие, и Ротшильды действительно внесли свой вклад при проложении сети железных дорог во Франции, Бельгии и Австрии.

Чтобы получить привилегию на строительство Северной дороги во Франции, Джеймс не жалел никаких средств. Подкуплены были парламент и пресса, когда железнодорожное общество выпустило 400 тыс. акций по 500 франков. Члены обеих законодательных палат получили 15 тыс. акций на 4,5 млн. в качестве *Douceurs*. Таким же образом заставили замолчать и прессу. Редакторы отдельных газет получили в подарок по 70, 100 и 150 акций, в зависимости от значимости издания. Все газеты молчали, только “Националь” составила исключение. Ее редактор, которому Ротшильд послал сто акций, подарок отклонил и не поддержал проект Ротшильда на строительство железной дороги. Но барон Ротшильд все-таки получил концессию на строительство Северной дороги. Здесь уместным было бы замечание государственного канцлера Меттерниха, который в одном из доверительных писем послу в Париже отметил финансовую мощь Ротшильда во Франции следующими словами: “Банкирский дом Ротшильда играет во Франции гораздо большую роль, чем правительство какого-либо иностранного государства, может быть, за исключением Англии. Для этого есть свои объективные причины, которые с моральной стороны, конечно, не могут быть оправданы: основной движущей силой во Франции являются деньги. Совершенно открыто признают коррупцию, этот практически поистине самый значительный элемент современной системы представительства” Хотя Ротшильды и вложили крупный капитал в европейские железные дороги, но основную прибыль получили благодаря успешным спекулятивным сделкам с акциями. Джеймс, например, на ценных бумагах железной дороги получил более сорока миллионов франков, так как курс акций из-за соответствующего влияния за короткий срок поднялся на девятьсот франков. Если курс поднимался до определенной отметки, Ротшильд продавал акции. Таким образом Ротшильд мог возместить неизбежные убытки. Так в 1856 году на много миллионов “прогорел” казначей Северной дороги.

Когда к власти пришел Наполеон III и стал императором, Ротшильд утратил свои взаимоотношения с тронном. Новый император не забыл, как его дядю свергли при помощи миллионов дома Ротшильда. Но Джеймс нашел поддержку у императрицы Евгении, так как он в отличие от других финансистов с самого начала поддерживал брак Наполеона с испанской графиней Монтийо. Но отношения с Наполеоном оставались довольно прохладными, несмотря даже на визит, который император нанес Джеймсу в его роскошном дворце. Напротив, император старался отдалить дом Ротшильда, предоставив для конкуренции более благоприятный кредит братьям Перейре и всячески поддерживая их банк. Но Ротшильдам еще суждено было увидеть провал этой конкуренции, им вообще всегда удавалось преодолеть любых конкурентов.

Советником по финансам Наполеона III стал Фулд, совладелец банкирского дома Оппенгейм и Фулд. Врагом Ротшильда был и герцог фон Морни, сводный брат императора. Но в отличие от всех Джеймсу удалось добиться признания, хотя и рискованными средствами. В Испании были взяты в аренду копи по добыче ртути в Альмадене. Когда министр финансов стал чинить препятствия, его подкупили *Douceurs* в 1,6 млн. франков. Это был самый большой “подарок”, который Ротшильд когда-либо делал, тем более, что еще 500 тыс. франков перешло в шкатулку королевы. За это Ротшильды добились монополии на добычу ртути в Европе, эксплуатация месторождений ртути в течение тридцати лет принесла им огромные прибыли. Испании они гарантировали 2,32 млн. фунтов пятипроцентных ипотечных документов на ртуть.

Что думал Джеймс о Наполеоне III и его режиме, можно видеть из его высказывания: “L'empire, c'est la baisse”, которое он, изменив известное изречение, сформулировал так: “L'empire, c'est la paix”. Окончательного падения “baisse” Наполеона ему уже не дано было увидеть. 15 ноября 1868 года Джеймс скончался и был похоронен в семейном склепе в Париже. От брака с племянницей Бетти, дочери брата из Вены, которая была на 13 лет младше его, было шестеро детей, которые по традиции тоже женились и выходили замуж в их же семье.

Джеймс начал свою деятельность в княжеских домах и достиг славы ведущего банкира. Его клиентами были монархи Европы, состояние которых Ротшильды значительно увеличили. Когда в 1865 году умер первый бельгийский король Леопольд, пять миллионов франков его личного состояния, доверенных в 1848 году дому Ротшильдов, увеличились до двадцати миллионов. Когда Джеймс умер, “Кельнише Цайтунг” сообщала, что франкфуртец прибыл в Париж с одним миллионом франков, а оставил состояние в два миллиарда. Это, конечно, сильно преувеличено, так как такое огромное состояние было у Ротшильдов лишь в XX веке.

Руководство домом в Париже взял на себя старший сын, барон Альфонс. И в третьем поколении единство родового дома было сохранено, хотя их узы постепенно ослабевали. Третье поколение прочно вросло в те страны, куда они приехали однажды в качестве гостей. Все свое время они не стали уделять исключительно финансовым операциям, да и в этом не было необходимости, так как состояние отдельных банкирских домов Ротшильдов было настолько велико, что оно увеличивалось само по себе.

Барон Альфонс явился представителем династии совершенно нового типа. Его коллекции произведений искусств считались в Париже особой достопримечательностью. Барон Альфонс отличался прежде всего своим пониманием социальных проблем. На сооружение домов для рабочих он пожертвовал десять миллионов франков. Французы считали барона Альфонса своим, тогда как его отца Джеймса никогда не причисляли к настоящим французам. В 1870 - 1871 годах в его замке король Вильгельм и Бисмарк устроили свою главную квартиру. Когда король входил в эти роскошные апартаменты, то не смог удержаться от восклицания: “Такое мы не можем позволить себе, для этого нужно быть Ротшильдом”. Здесь между бароном Ротшильдом и Герсоном Блайхредером была подписана французская репарация. При поставке огромной суммы Альфонс проявил весь свой французский патриотизм.

Свержение Наполеона III не огорчило Ротшильдов. Они лояльно сотрудничали с последующими республиками. Барон Альфонс был зачислен в Академию Франции среди сорока бессмертных, что может служить лучшим доказательством полного слияния династии с нацией. Парижские Ротшильды и по сей день сохраняют свое блестящее положение в экономической и общественной жизни Франции. Но они не смогли удержать того могущества, которое барон Джеймс придал своему дому в первой половине XIX века. И это зависело не только от того, что в следующих поколениях уже не было таких предпринимателей высокого класса, а и от изменившихся условий на финансовом рынке.

Родовым домом во Франкфурте руководил старший из пяти братьев, Амшель Майер Ротшильд.

Вместе со своим братом Соломоном, жившим в Вене, они по преимуществу были придворными банкирами немецких князей и австрийских магнатов, о чем говорит длинный список предоставленных займов. Само собой разумеется, что финансисты высшей знати вскоре и сами были причислены к аристократическим слоям общества. Император Австрии уже возвел в дворянство значительное число придворных евреев - троих братьев Хениг, троих братьев Вертгеймер, Арнштайнов, Эскелес и Герцов. В Баварии к дворянскому сословию причислены придворные банкиры Арон Элиас Зелигман и Якоб Гирш. Очередь дошла и до Ротшильдов, к тому же придворными факторами они уже были почти двадцать лет.

Возведение в дворянство произошло по ходатайству министра финансов графа Штадиона. Вначале титул получил Амшель, затем и Соломон. К этому времени братья стояли во главе франкфуртского вексельного банка в Шенбруне. Это произошло 25 сентября 1816 года, а 21 октября титул получили братья Якоб и Карл. 25 марта 1817 года каждому был изготовлен диплом дворянина. По ходатайству советника правительства Нижней Австрии и придворного агента Зонлайтнера, доверенного лица четырех братьев, диплом был вручен каждому отдельно, так как братья проживали в четырех разных странах.

Примечательным для оценки деятельности Ротшильдов был и тот факт, что они как евреи были записаны в дипломе менялами, в то время как финансисты христианской веры именовались банкирами. Граф Штадион посчитал также, что единственным основанием для возведения в дворянство служило дело об английских субсидиях 1815 года. Это значительное дело они сумели осуществить “с большой тщательностью и точностью”, “отличившись при этом особой сговорчивостью и услужливостью”. Что касается старшего Ротшильда, то в актах на возведение в дворянство его имя не всегда писали правильно. Вначале его называли Майер Амшель - так звали отца, скончавшегося в 1812 году, - потом Амшель Майер. Натан, проживающий в Англии, в этих документах упомянут не был.

Венские придворные финансисты вскоре после получения дворянства добивались титула барона, поэтому Ротшильды тоже ходатайствовали о присвоении им этого звания. 29 сентября 1822 года их просьба была удовлетворена. Теперь в документы включили и Натана, который сразу стал бароном. На этот раз пять братьев были прямо названы банкирами. Они были австрийскими баронами, “учитывая заслуги, оказанные государству”, “с почтительным словом Ваше благородие”. И снова каждый из пяти братьев получил свой собственный диплом барона. Их герб был украшен девизом: Concordia, Integritas, Industria. (Согласие. Честность. Трудолюбие.).

Этот девиз полностью выражал единение братьев, их честность и неутомимое усердие. Но получение титула барона едва ли означало для пяти братьев повышение их авторитета. Натан никак не мог воспользоваться этим титулом в Англии. Это противоречило английской конституции, не разрешавшей предоставление дворянских званий иностранцам. Но все же возведение в дворянство изменило стиль жизни Ротшильдов. Они приобрели роскошные дворцы, стали давать великолепные обеды, на которые съезжались представители аристократических кругов многих стран. Они охотно принимались европейской аристократией, особенно немецкой, в то время как буржуазия довольно сдержанно относилась к этой финансовой династии. Так, например, тайный советник Баден-Бадена в 1861 году отказал Ротшильду в праве гражданства, хотя там у него были богатые владения, и власти вынуждены были ходатайствовать о предоставлении ему права гражданства. И Соломон, хотя и был австрийским бароном, не мог быть гражданином Австрии, так как был евреем. Прошло еще много лет, пока он стал почетным гражданином Вены, постоянным жителем Австрии.

Государственный канцлер князь Меттерних был большим покровителем Ротшильдов в Австрии, а они предоставляли в распоряжение его режиму многие миллионы. Он тоже активно содействовал их возведению в дворянство. Поэтому нет ничего удивительного в том, что 23 сентября 1817 года государственному канцлеру в доме Ротшильда был предоставлен заем в 900 тыс. гульденов под 5%, которые необходимо было выплатить до 1834 года. Но уже в 1827 году Меттерних все выплатил! Финансовые акции проводились надлежащим образом и никогда не были связаны с подкупом. Но никакого сомнения не может быть в том, что подобная финансовая помощь, а было еще и много других случаев, создавала между государственным деятелем и финансистом определенные обязательства, сковывающие свободу принятия решений Меттернихом по отношению к братьям Ротшильдам. Чаще всего Меттерних был склонен поддерживать желания и планы Ротшильдов.

Соломон во Франкфурте тоже был банкиром немецкого союза, хотя там было достаточно своих известных банкирских домов, таких как банк братьев Бетманов. Но Меттерних вместе с Пруссией высказался в пользу Ротшильдов. Речь шла о солидной сумме в 20 млн. франков из военной контрибуции Парижа для сооружения четвертой крепости на Рейне. Ротшильды предложили свои услуги в переводе этих денег во Франкфурт, чтобы, обменяв их, держать наготове для парламента. Джеймс в Париже предложил 3,5%, Соломон в Вене - 3%, если им предоставят деньги, когда они действительно будут необходимы. Благодаря вмешательству Меттерниха 20 млн. были предоставлены на неопределенный срок под 3,5%, хотя за наличные деньги следовало уплатить 5%. Такой дешевый и к тому же огромный кредит, конечно, был выгоден дому Ротшильда.

Ротшильды всегда сохраняли верность Гессенскому дому. 27 февраля 1821 года умер курфюрст, с деньгами которого они начали свое восхождение. В то время “Пять Франкфуртцев” уже имели прочные деловые отношения с ведущими государствами Европы. Пришедший к власти курпринц нуждался в деньгах, и Ротшильды неоднократно помогали ему значительными суммами. Но у нового курфюрста не было той деловитости, которой обладал его отец, считавшийся самым крупным и преуспевающим банкиром среди правящих немецких князей.

Тесные взаимосвязи Амшеля с гессенским двором выражались еще и в том, что он взял на себя заботу о княгине Ганеу, марганатической супруге курфюрста Фридриха Вильгельма I, и ее детях. Немецкие князья охотно давали своим придворным факторам-евреям подобного рода секретные поручения, так как знали, что они будут молчать и действовать тайно.

Франкфуртский родовой дом был чрезмерно признателен Бударусу фон Карлсхаузену. Поэтому для Амшеля Майера было тяжелым ударом, когда 3 августа 1819 года его покровитель скончался. В соответствии с заключенным договором он принимал участие в финансовых делах и смог оставить своей семье состояние в 1,5 миллиона гульденов. Свое завещание он закончил словами: “О своих дорогих детях я заботился, насколько у меня хватало сил. Я не боялся никаких лишений и трудностей, если речь шла об их счастье. Вся моя жизнь была направлена на то, чтобы обеспечить их благополучие. Бог

благословил мои старания... А Вы, мои дорогие дети, послушайте и последуйте моему последнему отцовскому наставлению: берегите состояние, которое я с Божьей помощью приобрел для вас. Ни одна слеза несчастного и ни одно проклятие обманутого не лежит на нем бременем. Стремитесь преумножить его и укрепить своей бережливостью, любовью к порядку, прилежанием, благоразумием, снисходительностью и богобоязненностью. Остерегайтесь жадности и алчности, в зародыше убивающей любую добродетель и любое доброе дело! Никогда не забывайте, что скромность ведет к богатству”.

Ответной услугой за это солидное состояние оказалось вытеснение всех торговых домов из финансовых дел курфюрста и возможность, предоставленная председателем парламента, использовать наличные деньги курфюрста для укрепления доверия к дому Ротшильда и обеспечения расширяющихся спекуляций.

Но вскоре потеря покровителя была возмещена тем, что дом Ротшильдов снискал благосклонность главных немецких государственных деятелей, вначале Меттерниха, а потом в еще большей степени Бисмарка и мог рассчитывать на их покровительство в различных финансовых операциях. Что может значить милость Меттерниха, о том свидетельствует эпохальное событие в жизни Амшеля Майера. Когда в 1820 году Меттерних приехал во Франкфурт, он получил от Амшеля Майера письмо следующего содержания:

"Светлейший князь! Милостивый князь и государь! Надеюсь, Ваша Светлость будет так благосклонен и не посчитает за дерзость, если я осмелюсь просить Ваше Высочество о высокой милости отобедать у меня сегодня.

Это счастье составило бы целую эпоху в моей жизни. Я все же не отважился бы на такую просьбу, если бы мой брат в Вене не заверил меня, что Ваша Светлость не откажет мне в этой милости.

Находящиеся здесь господа из Австрии обещали мне присутствовать на тот случай, если Ваша Светлость пожелает встретиться еще с кем-либо, только велите приказать, так как любой посчитает за счастье составить общество Вашему Высочеству”.

Приглашение Меттерних принял и отобедал у Амшеля Майера в обществе очень близкой к нему княгини Ливен. В обществе Франкфурта это не осталось незамеченным, прибавилось и завистников, которым не очень нравилось быстрое социальное продвижение Ротшильда.

Супругу Амшеля Майера прусский посол во Франции пригласил на бал. Христианские банкиры Бет-лан, Брентано, Гонтард теперь часто обедали с Ротшильдами и приглашали их к себе в гости. Больше ни одно значительное финансовое дело не обходилось без участия этого дома. Бургомистр Бремена Шмидт, представитель своей земли во Франкфурте, после беседы с членом бундестага Австрии графом Буол-Шауенштайном так описывает положение дома Ротшильда в то время:

"Своими невероятно крупными финансовыми делами, вексельными и кредитными связями этот дом и на самом деле превратился в подлинную финансовую мощь и настолько завладел финансовым рынком, что в состоянии по собственному желанию определять и поддерживать все движения и операции влиятельных лиц, даже самых крупных европейских рынков... Многие средние и мелкие государства находятся в постоянной зависимости от его власти, что облегчает ему при необходимости обращаться с просьбой, особенно если она оказывается такого незначительного свойства, как протекция нескольких десятков евреев в небольшом государстве”.

Под протекцией Шмидт имел в виду государственное равноправие евреев Франкфурта. Вопреки сопротивлению графа Буола, Ротшильд добился его при поддержке Меттерниха. У самого Меттерниха на службе финансистами были евреи, а некоторым знатым особам он способствовал в получении займа у Ротшильда, например, послу Австрии в Лондоне князю Паулю Антону фон Эстерхази. Ротшильд вместе с банкиром Эскелесом обеспечил Меттерниху финансовую поддержку во время его обручения с графиней Цихи-Ферари. Царь Николай подарил молодоженам более 400 тыс. франков.

Несмотря на то, что сам Амшель Майер с неутомимым рвением заступался за своих единоверцев, он все же был противником сионизма. Всю свою жизнь он слыл оригиналом, которого не радуют его миллионы. К тому же следует добавить, что в браке с Евой Ганау, предназначенной для него отцом, у них не было детей. Современники особенно превозносили его за благотворительность. Во Франкфурте он многим еврейским семьям давал средства к существованию. Его считали самым благочестивым евреем во Франкфурте. Бисмарк, как прусский посланник при союзном сейме во Франкфурте, был частым гостем у Амшеля Майера. О Ротшильде он оставил следующие записи:

"Этот седой, худощавый мужчина небольшого роста, самый старший в роду, в своем дворце казался бедным. Детей у него не было, вдовец, которого люди часто обманывали, а благородные французские и английские племянники и племянницы, пользуясь его богатством, плохо обращались с ним, не проявляя к нему ни любви, ни благодарности”.

Амшель Майер, проживший многие годы вместе со своим отцом в еврейском квартале Франкфурта и все свои силы отдавший для блестящего продвижения банкирского дома, умер 6 декабря 1855 года в возрасте 82 лет. Он был австрийским бароном, прусским тайным коммерческим советником и придворным банкиром, тайным финансовым советником курфюрста Гессена, тайным советником великого герцога Гессена, королевским консулом Баварии, рыцарем высоких орденов.

Самый знаменитый придворный еврей Германии, как ни один финансист до и после него, помог высшей аристократии первой половины XIX века укрепить феодальный стиль жизни. Своему племяннику Карлу, сыну брата в Неаполе, он завещал 60 млн. и родовой дом во Франкфурте. Дом Ротшильдов во Франкфурте пал во втором поколении. Неаполитанская линия, третья часть всего банкирского дома, продолжала линию Франкфурта, но и она распалась в том же поколении.

Карл (1820 - 1886) стал королевским придворным банкиром Пруссии и Баварии, генеральным консулом и членом верхней палаты. Его брат Вильгельм Карл (1828 - 1901) - австрийский и сицилианский генеральный консул, член верхней палаты - был последним шефом франкфуртского дома, с его смертью утратившего свою силу. Сыновей у него не было. Его дочь вышла замуж за банкира Гольдшмидта, которому в 1907 году Вильгельм II присвоил звание барона Гольдшмидта-Ротшильда. Дела дома отчасти перешли к банкирскому дому Гольдшмидт-Ротшильд и отчасти к дисконтному обществу. Сегодня закрыт и дом Гольдшмидт-Ротшильд. Их потомки живут в США и Швейцарии.

При бароне Майере Карле франкфуртский дом был тесно связан с Блайхредером, затем с торгово-промышленным банком в Дармштадте и с дисконтным обществом. Франкфурт взял на себя руководство так называемой группой Ротшильда, к которой, кроме венского филиала и австрийского кредитного банка, относились: М. Воданер в Вене, земельный кредитный

банк в Вене, Венгерский общий кредитный банк в Будапеште, временами и дома Ротшильда в Лондоне и Париже. Долгое время существовал и Прусский Ротшильд-консорциум, к которому относился и франкфуртский дом Ротшильда, поддерживающий необходимую связь. Из прусского консорциума был образован государственный заемный консорциум, представленный фирмами Лазарда Шпайер-Эллиссена и Якоба С. Г. Штерна во Франкфурте - потомками Ротшильда. Эти консорциумы не были постоянными институтами. Они возникали от случая к случаю и проводили под покровительством Ротшильда крупные займы.

Барон Майер Карл принимал участие и при основании Прусского центрального акционерного общества в Берлине. Вместе с бароном Альфонсом, проживающим в Париже, он входил в наблюдательный совет. Немаловажную роль Майер Карл играл и как придворный финансист немецких князей. При последнем Ротшильде стало ясно, что Франкфурт окончательно уступил место Вене; Венский дом взял на себя все руководство. Вместо франкфуртского дома Ротшильдов появились крупные банки в рейхе Бисмарка. Но вдова Вильгельма, баронесса Матильда, и ее зять, барон Максимилиан фон Гольдшмидт-Ротшильд, принадлежали к самым богатым людям в Германии. Они были главными наследниками состояния, оцененного в 300 млн. оставленных последним франкфуртским Ротшильдом. Таким образом, франкфуртская линия разделила судьбу многих семей придворных факторов Германии. Все они вымерли. Несмотря на то, что еще оставались богатые дети основателей всего дела, семья часто начинала исчезать уже в третьем поколении.

Краткий, но довольно успешный период времени просуществовала неаполитанская линия дома Ротшильда, основанная Карлом Майером. Он был королевским тайным коммерческим советником Пруссии, тайным финансовым советником курфюрста и великого герцога Гессена, генеральным консулом королевства Сицилия и герцогства Парма. При поддержке Джеймса в Париже и Соломона в Вене он стал банкиром пап, королевства Сицилия, итальянских князей и премьер-министра Сардинии Кавоура.

Среди пяти братьев Карл Майер Ротшильд считался наименее способным финансистом. Он был тяжелым на подъем, очень строгим в своих ортодоксально-еврейских правилах. Но, что особенно важно, у него не было способности быстро приспосабливаться к той обстановке, в которую попадал. Он постоянно находился под влиянием братьев Соломона и Джеймса, заинтересованных в финансовых операциях в Италии. Но финансовую политику Карла постоянно поддерживал Меттерних, определявший всю политику Италии. На всех приемах Карлу на помощь приходила его великодушная и остроумная супруга Адельхайд. Она умела завоевать симпатию окружающих и использовать ее, как и все Ротшильды, на пользу своим единоверцам.

Для несколько беспомощного Карла Майера Италия была благоприятным местом проведения коммерческих операций, так как здесь он имел дело не с крупными государствами и могущественными правительствами, как его братья Натан, Джеймс и Соломон, а с большим числом мелких государств, в резиденциях которых Карл Майер мог чувствовать себя более уверенно. Кроме того, этот четвертый сын старого Майера Амшеля уже оказал неаполитанскому правительству ценные услуги еще до того, как в 1824 году он окончательно поселился в Неаполе. Он помог провести финансовое отделение Неаполя от Сицилии, королю предоставил заем на 4,5 млн. дукатов, за ним последовали 16 млн., а в 1 году были выданы 20 млн. при условии, что его друг де Медичи, сосланный во Флоренцию, сможет вернуться назад. Под следующий заем он добился для своего друга Медичи должности министра финансов, чтобы иметь в правительстве свое доверенное лицо и умелого человека.

В Англии, то есть с помощью Натана, Карл Майер получил для Неаполя кредит в 2,5 млн. фунтов, 50 млн. марок - огромную сумму для такого государства, как Неаполь. Но Медичи постоянно следил за тем, чтобы финансовые дела королевства были в полном порядке.

Затем последовали займы Парме, Тоскане, Лукке и Сардинии, где дом Ротшильда натолкнулся на острую конкуренцию шести парижских банкирских домов, которые сделали все, чтобы сломить почти неограниченную финансовую мощь Ротшильдов. Им также удалось заполучить первую французскую ссуду, проведенную по плану парижской городской лотереи. Но Ротшильды отомстили им, побеспокоившись о том, чтобы парижские билеты, а вместе с ними и ценные бумаги Сардинии упали в цене и вскоре уже находились ниже курса выпуска. В результате этого все шесть парижских конкурентов стали осторожнее, и у них пропало желание бороться с Ротшильдами. В следующих займах для Сардинии уже принимал участие и дом Ротшильдов. В 1850 году он предоставил заем в 80 млн. а в 1853 году заем в номинальной стоимости 67 млн. франков.

Плохо шли финансовые дела и у папского государства, вновь созданного на Венском конгрессе.

Ротшильд помог и им. Первый заем Ротшильд разделил с известным банкирским домом Торлония. Когда он решил 5-процентный заем превратить в 3-процентный, папский казначей кардинал Гости попытался отстранить Ротшильдов и иметь дело с парижскими банками. Но Ротшильды сумели помешать этому. Они указали на одно из условий в первом договоре, согласно которому никакие изменения не могут быть проведены без участия дома Ротшильдов. Об этом условии кардинал Гости не имел никакого представления. Но Карл Майер был достаточно умен, чтобы поделиться с парижским консорциумом.

10 января 1832 года папа Григорий XVI принял па аудиенции Карла Майера барона фон Ротшильда и наградил своего еврея-финансиста орденом Спасителя. В 1837 году папа получил новый заем, предоставленный Джеймсом. В 1850 году папа Пий IX получил от Ротшильдов 50 млн. франков под 5%, чтобы папа смог вновь вернуться в Рим, откуда он бежал после революции 1848 года. Таким образом Ротшильды помогли папе вернуться в Ватикан. Гарантии займов они использовали для облегчения положения своих единоверцев в римском гетто. В 1846 году Пий IX освободил евреев от обязанности раз в неделю присутствовать на христианской проповеди. В судьбе их единоверцев принимала участие и супруга Карла Майера, баронесса Адельхайд, урожденная Герц, которая однажды на аудиенции у Пия IX пожаловалась на плохое содержание жителей в римском гетто.

Баронесса Адельхайд вела в Неаполе большой дом, где вращались видные мужи Европы. Высокие сановники с полным почтением склонялись перед ней, делали ей любезные комплименты, выслушивая их, остроумная Адельхайд едва могла сдерживать улыбку, она то уж точно знала, что на самом деле они преклоняются перед властью денег. Она способствовала и развитию науки и искусства. Щедро помогала бедным, а в 1846 году основала в Неаполе “Приют Ротшильда”, дом для защиты детей и приют для подкидышей. Кроме этого, она создавала дома для престарелых и вдов и полностью содержала их. Она умерла в 1853 году в возрасте 53 лет. Ее супруг, барон Карл, последовал за ней в 1855 году, ему было 67 лет. Оба покоятся на Франкфуртском еврейском кладбище. Сыновья барона Карла снова переехали в свой родной город и продолжали вести франкфуртский родовой дом. Когда Гарибальди во главе корпуса волонтеров изгнал Бурбонов и присоединил их страну к новому королевству Италии, Ротшильды закрыли свой дом в Неаполе. Бурбонам они служили во Франции, Испании и Италии, и здесь они сохранили им верность.

В истории дома Ротшильдов их деятельность в Неаполе была всего лишь эпизодом. Выяснилось, что связи Неаполя с Франкфуртом, Веной, Парижем и Лондоном не могли быть достаточно прочными, так как не соответствовали интересам общего дела.

Идеальным местом для деятельности Ротшильдов явился имперский город Вена, и Соломон, второй из пяти братьев, прочно обосновался в столице дунайской монархии уже вскоре после Венского конгресса и даже, несмотря на определенные ограничения для евреев в Австрии, был благоприятно принят в венском обществе. В 1800 году Соломон стал имперским придворным фактором. Почти полтора века Ротшильды играли в Вене большую экономическую, политическую и общественную роль; лишь вступление войск Гитлера положило конец их деятельности в Австрии, и последний глава Венского банкирского дома вернулся на родину в 1955 году уже мертвым.

Для осуществления своих планов Соломон нашел в Вене благоприятные условия. Меттерниху, “заправиле Европы”, нужны были миллионы Ротшильда, чтобы привести в порядок свои семейные дела; ему и его министру финансов постоянно нужны были миллионы Ротшильда для империи, так как банкирские дома Вены, Арнштайн и Эскелес, Гаймюллер и К”, Зина, Штайнер, Фриз, не могли удовлетворить финансовые потребности Австрии после Венского конгресса. Сотомон стал личным банкиром австро-венгерской знати, необходимым для поддержания их феодального стиля жизни.

Неоценимые и неоплатные услуги ему оказал Фридрих фон Генц. Он был для Соломона таким же покровителем, как и Бударус фон Карлсхаузен для Франкфуртского дома. Роскошная жизнь Генца, его любовные похождения требовали много денег. Ротшильд должен был постоянно платить. Генц принимал Douceurs с большим удовольствием, кроме того, Соломон платил ему ежегодно содержание в 10 тыс. флоринов. Лишь после смерти Генца, наступивший 9 июня 1832 года, Соломон узнал, какие услуги оказывал ему этот человек.

“Это был настоящий друг, такого у меня никогда не будет. Он стоил мне больших денег, даже трудно представить себе, каких больших; он мог только написать мне записку, что он хочет, и все получал тотчас же. Но с тех пор, как его не стало, я понял, чего мне недостает, и готов трижды заплатить столько же, чтобы вернуть его к жизни”, - так написал Соломон Джеймсу в Париж.

В начале 1814 года Ротшильдам удалось возобновить те связи с Австрией, которые были установлены еще в 1800 году, когда Амшель получал жалованье проходящих через Франкфурт и стоящих там имперских офицеров для расчета с их комиссарами. Для пересылки субсидий из Англии и Франции через Ротшильда в Австрию был необходим постоянный представитель фирм в Вене. Для этого выбрали Соломона, так как у него уже был опыт переговоров с Пруссией. Первоначально он намеревался поселиться в Берлине, но братья определили для него Вену, и с 1818 года он стал там постоянным представителем общего банка. По австрийской конституции, он не мог получить гражданство, но и не захотел ходатайствовать о специальном разрешении для Вены как другие евреи - представители крупных торговых палат, поэтому так и оставался гражданином Франкфурта. Так как в Вене он не мог купить себе собственный дом, то жил в одной из лучших гостиниц города, “Отеле к Римскому императору” на Реннгассе № 1, где тогда останавливались самые представительные гости. В большом концертном зале отеля на музыкальных вечерах часто играл Бетховен. Здесь Соломон и остался жить, пока не стал почетным гражданином Вены. Вначале он был единственным гостем, так как снял все помещения. Затем купил отель и прилегающее к нему здание на Реннгассе № 3.

Вполне понятно, что банкирские дома Вены, как еврейские, так и христианские, не очень дружелюбно встретили основание дома Ротшильда, так как на протяжении многих десятилетий они своими займами помогали императорскому двору Габсбургов преодолевать финансовые затруднения. Соломону они чинили достаточно препятствий, в первую очередь как раз еврейский банковский дом Арнштайн и Эскелес. Но потребности Австрии в финансах после 1815 года были так велики, что венские фирмы не могли уже больше предоставлять крупные займы; кроме того, у них тогда еще не было предпринимательской смекалки, позволяющей объединять предусмотрительность с риском. В течение десятилетий Соломон и его сын Ансельм значительно обогнали их всех.

К тому же консерватизм немецких Ротшильдов, их темная связь с государственными элементами, законными правительствами, двором и знатью делала их особенно удобными в качестве государственных, придворных и личных банкиров.

Так при поддержке их общего дома Соломон осуществляет один заем за другим. В общем и целом он предоставил режиму Меттерниха более 200 млн. гульденов; при этом он только на комиссионных заработал миллион; но еще больше были прибыли по курсу, которые отец и сын получали, продавая облигации по повышенным курсам. Венские Ротшильды мастерски владели игрой на бирже.

Доходными оказались и финансовые операции с участием австро-венгерской знати. Для новых придворных банкиров риск был здесь не очень велик, так как огромные земельные владения мшататов служили Ротшильдам необходимой гарантией. Кроме того, Ротшильды постоянно довольствовались умеренными процентами и предоставляли нуждающимся в

деньгах магнатам достаточно времени, чтобы выплатить ссуду. Если учесть те суммы, которые получили князь Шварценберг (5 млн.) и князь Галанта-Эстерхази (6,4 млн.), то можно тотчас же представить себе, какими латифундиями владела тогда австрийская аристократия. До середины 50-х годов XIX века Соломон и Амшель предоставили знати 25 млн. гульденов. И этими займами Ротшильд торговал на бирже. Чтобы придать финансовому рынку еще больший импульс, два своих займа на 37,5 млн. Соломон связал с выигрышной лотереей; тем самым он ввел в Австрии новый вид выигрышных займов, которые пользовались у публики большой популярностью.

В то же время Соломон занялся предпринимательской деятельностью и на железной дороге. Его имя навсегда осталось связанным с самой старой железной дорогой Австрии, Северной дорогой императора Фердинанда, сокращенно называемой Северной дорогой. Она связывала восток монархии со столицей, Веной. В строительстве дороги ему с удивительным упорством постоянно мешал его противник банкирский дом Арнштайн-Перейра. С высочайшего разрешения от 11 ноября 1835 года Соломон получил концессию.

Строительство начали в 1836 году, а закончили в 1858 году. Эта Северная дорога или, как ее называли, дорога Ротшильда, еще десятки лет оставалась предметом нападок немецких националистов и антисемитов в Австрии. Основными противниками были Георг фон Шенерер и Карл Людвер, которые, проводя агитацию как внутри парламента, так и вне его, старались добиться принятия другого договора, более выгодного для государства. При строительстве Северной дороги была задействована австрийская знать. Меттерних и граф Коловрат взяли на себя покровительство над обществом. Все же определенная близорукость Соломона в этом строительстве проявилась особенно отчетливо, когда он не принял план гениального инженера-железнодорожника Франца Ксавера Рипля для всей Северной дороги, вследствие чего привилегию для дальнейшего строительства дороги получил барон фон Зина.

В 1842 году Соломон стал почетным гражданином Вены. Подав прошение в 1843 году, он как еврей получил право на владения. Теперь, несмотря на сопротивление представителей высших сословий, он мог постоянно проживать здесь, на этой земле. Так он превратился в одного из крупнейших землевладельцев монархии. В Пруссии у него тоже были владения.

Он умер в 1855 году. К этому времени он был королевским тайным коммерческим советником Пруссии и Дании, тайным финансовым советником курфюрста Гессена, главным банкиром одной из крупных держав. Глава дома братьев Бетманов во Франкфурте очень метко охарактеризовал Соломона следующими словами: «Могу понять, что Ротшильды во всех случаях были необходимым инструментом для правительства, и я далек от мысли завидовать или упрекать их за это. В силу своего характера Соломон особенно заслуживает достойного уважения, и я всем сердцем люблю его. Из вполне надежных источников знаю, что Соломон Ротшильд сказал однажды, что баланс пяти братьев составляет шесть миллионов гульденов чистой прибыли. Здесь действительно уместна английская поговорка: деньги делают деньги, Money makes money» (1820).

В браке с Каролиной Штерн у Соломона был один сын и одна дочь, которая вышла замуж за парижского барона Джеймса. Сын Ансельм, представлявший третье поколение, взял на себя управление Венским банкирским домом, но находил время и для своих личных увлечений. Он был восторженным поклонником изящных искусств, постоянным защитником венской бедноты. 18 апреля 1861 года он стал пожизненным членом верхней палаты парламента.

Следуя традиции отца, он продолжал принимать участие в дальнейшем строительстве железных дорог. При содействии Ротшильдов в Лондоне и Париже Ансельм приобрел Южную дорогу и дороги в центральной части Италии. Позже общество, основной капитал которого составил 120 млн. гульденов, объединилось с Южной дорогой.

В 1855 году Ансельм Ротшильд внес значительный вклад в создание Австрийской кредитной конторы торговли и промышленности, которая до сих пор считается самым крупным государственным банком республики Австрия. Ансельм хорошо перенес биржевой кризис и «настоящий крах» 1873 года, вовремя и еще по высокому курсу избавившись от резко упавших акций.

В своем завещании барон Ансельм еще раз подтвердил:

«Категорически и самым решительным образом запрещаю проведение судебной или общественной описи моего наследства, любое судебное вмешательство и любое обнародование размеров моего состояния». Еврейской общине он завещал 1,2 млн. флоринов. Барон Ансельм умер 27 июня 1874 года. Уважая последнюю волю старого Майера Амшеля, его три дочери вышли замуж за сыновей Ротшильда.

Управление Венским банкирским домом Ансельм передал своему младшему сыну, барону Альберту, так как его старший сын не проявлял никакого интереса к коммерческому делу, уехал в Англию и стал британским подданным. Он и другие английские Ротшильды принадлежали к кругу друзей принца Уэльского, будущего короля Эдуарда VII, под защитой которого институт придворных факторов во главе с сэром Эрнестом Гасселем пережил свой последний расцвет в Англии. Барон Альберт, как когда-то Соломон, любил финансовые операции крупного масштаба, которые он проводил с основным в Венгрии. Большое влияние он оказал на Австро-венгерский банк. В 1881 году он произвел конверсию 592 млн. гульденов золотом для Венгрии с 6% до 4%, эта транзакция принесла ему огромную прибыль, так как все документы он перевел на свой счет, а затем сбыв их по первоначальному курсу. При бароне Альберте семья Ротшильдов имела доступ ко двору; теперь на его великолепных званых вечерах присутствовали и члены императорского дома. Барону Альберту принадлежали слова: «Дом Ротшильдов настолько богат, что вообще не сможет сделать ни одного плохого дела». Когда он умер в 1911 году, то налог с наследства составил 30 млн. крон, из чего можно сделать вывод о наличии состояния в 700 млн. гульденов по денежной системе до 1914 года.

Последним главой венской фирмы был барон Луис. Падение дунайской монархии явилось тяжелейшим кризисом для банкирского дома. Но благодаря поддержке других банков Ротшильдов Венский дом тоже смог удержать свое положение и просуществовать до вторжения войск Гитлера в 1938 году. Национал-социалистский режим уничтожил банк Ротшильда. Барон Луис отправился вначале к своим парижским родственникам, которые добились его освобождения, а затем на Ямайку, где в ночь с 15 на 16 января 1955 года скончался. В соответствии с его волей последний из венских Ротшильдов 30 января был похоронен на центральном кладбище в Вене. Так как от брака с графиней Ауэршперг у него не было детей, вместе с ним прекратила свое существование и венская линия. Барон Луис был вторым Ротшильдом, который, отступив от традиции, женился на христианке. При императоре Карле он был избран в верхнюю палату парламента, поэтому его можно считать

последним крупным финансистом последнего императора Австрии. Барон Луис Ротшильд олицетворял собой тип вельможи, совершенно свободно чувствовавшего себя членом австрийской аристократии и венского общества.

Так можно документально представить конец венской династии, которая имела большое значение в жизни Австрии с 1797 по 1938 год.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ АККОРД

В историю банковского дела дом Ротшильдов вошел не только как самый известный, но и как самый крупный частный банкирский дом, который когда-либо знал мир. Это доказывает уже один объем предоставленных государственных займов. За сто лет, с 1804 по 1904 год, на одних только займах они получили 1300 млн. фунтов стерлингов, по прежней немецкой денежной системе это составляло 26 млрд. марок, а в современной валюте около 70 млрд. ДМ. До настоящего времени ни один европейский и ни один американский банк не достигал уровня дома Ротшильда по своим финансовым возможностям.

Многие читатели с именем Ротшильда связывают понятие “деньги”. Это, конечно, верно, так как Ротшильды в первую очередь были банкирами, составившими себе огромное состояние и стремившимися к тому, чтобы постоянно увеличивать его. Но новейшие исследования показали, что они были и политиками, которые неоднократно и решительным образом влияли на политику своих стран, Европы в целом, правда, всегда в интересах своих миллионов.

Они помогали поддерживать и низвергать троны, предотвращали войны, если это угрожало их займам: они снимали министров и назначали новых, угодных им. При помощи денег они правили парламентами и газетами, устраняли конкурирующие банки, даже если их основатели и владельцы были евреями, но, с другой стороны, сами принимали участие в открытии новых банков, в которых они хотели иметь определенное влияние. Для XIX века вполне справедливым было замечание прусского посла Арнима из Парижа: “Банкирский дом Ротшильда представляет собой огромную финансовую мощь наших дней; лишь немногие правительства могут сказать о себе, что они не опутаны золотыми цепями этого банка”.

Чтобы показать политическое влияние их займов, здесь следует еще раз остановиться на некоторых примерах. Финансирование войн против Наполеона I привело к его свержению. Получение репарации после франко-прусской войны 1870 - 1871 годов за короткий срок и трансферт по тем временам огромной суммы в 5 млрд. франков без потрясений международного валютного курса было не только финансовой операцией высокого класса, но и привело к преждевременному освобождению занятых французских территорий, что во многом способствовало укреплению чувства собственного достоинства французов.

Только банкирский дом Ротшильдов был в состоянии в течение нескольких часов предоставить в распоряжение английского премьера Дизраэли 240 млн. ДМ наличными под 3% для приобретения акций Суэцкого канала. Какое политическое значение эта транзакция имела и имеет еще сегодня, показывает большая политика наших дней. Приобретение монополий на добычу ртути в Европе, возможное благодаря арендованию рудников в Альмадене с одновременным предоставлением соответствующего займа, укрепило либеральный режим королевы Кристины в Испании против консервативных сторонников Карла. Именно этот пример является характерным доказательством способности Ротшильдов использовать политический аспект займов с экономической выгодой для общего банкирского дома.

О Ротшильдах как основателях банков напоминает сегодня и Австрийская кредитная контора торговли и промышленности, которая сумела пережить все кризисы, даже кризис 1931 года, которая до сих пор считается самым крупным банком Федеративной республики Австрия.

Заемную политику Ротшильды использовали и для поддержания своих единомышленников, продвигая их эмансипацию в Германии, Австрии, Италии и Англии. Один из Ротшильдов был первым евреем в английской палате общин, один из Ротшильдов, став первым еврейским лордом, вошел в палату лордов. Ротшильды были первыми евреями в верхней палате парламента в Вене и Берлине. Ротшильдам, как видным представителям евреев, было направлено обращение английского министра иностранных дел Бальфура от 2 ноября 1917 года о создании в Палестине национальной родины.

Иногда Ротшильдов упрекают в том, что не так уж много миллионов они пожертвовали на благотворительные цели, особенно для евреев. С их именем не связано ни одно крупное учреждение, как с именами Карнеги, Рокфеллера, Форда, а в последнее время с семьей Тиссенев; не было ни одного крупного общественного мероприятия, как у Крупна и Фуггера. Но на самом деле, о чем мало известно, они пожертвовали многие миллионы на благотворительные цели, особенно венская и парижская линии. Только для создания поселения в Палестине они предоставили 70 млн. франков золотом, об этом напоминают названия улиц в городах Израиля. В их родном городе Франкфурте еще и сегодня существуют три благотворительных заведения, основанных членами династии Ротшильдов.

Если банки Ротшильдов в Париже и Лондоне сегодня уже не считаются перворазрядными, то они все же обладают достаточно большим состоянием.

В 1957 году в Женеве в возрасте 76 лет скончался самый старший представитель парижской семьи Ротшильдов. Его сын Эдмонд считался единственным наследником состояния в один миллиард ДМ. Нажить такое состояние за 200 лет и сохранить его - уже достижение, единственное в своем роде.